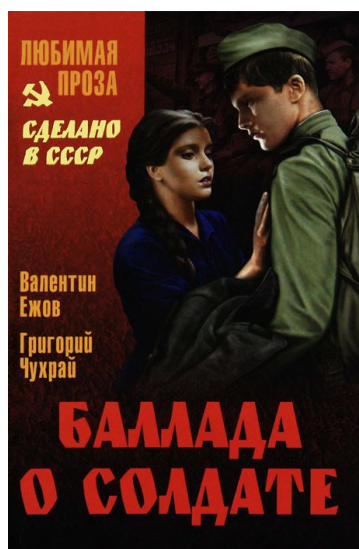

Чухрай Григорий, Ежов Валентин

Баллада о солдате

Современное село. Теплый праздничный вечер. Еще только начинаются сумерки, а окна домов уже весело светятся. Вдали, у колхозного клуба, толпа молодежи. Там горят фонари, оттуда доносится музыка. А в других уголках села пустынно и тихо. В такие часы немного встретишь людей на улице. Разве что появится молодая пара с ребенком на руках, идущая в гости; либо молча пройдут влюбленные. Либо стайкой пробегут девушки, спешащие к клубу...

По улице села идет женщина в черном. Она проходит мимо девушек. Смех девушек на миг замолкает. Они здороваются с женщиной и бегут дальше своей дорогой.

Другая улица.

Женщина проходит мимо молодой четы. Молодые почтительно здороваются с ней. Она с улыбкой отвечает им и идет дальше. Выйдя за околицу, женщина останавливается и грустно смотрит в поле, на дорогу, уходящую за далекий бугор.

- Это дорога в наш областной город,- говорит диктор.- Там два института, завод и железнодорожная станция. И тот, кто уезжает из нашего села, и тот, кто возвращается потом в родные места, уходит и приходит по этой дороге.

Женщина медленно идет к перекрестку.

- Вот уже много лет она выходит сюда,- продолжает диктор.- Нет, она никого не ждет... Тот, кого она ждала, ее сын Алешка, не вернулся с войны. Она знает, что он не вернется. Он похоронен далеко от родной земли у деревни с нерусским названием. Ранними веснами чужие люди приносят на его могилу цветы, они называют его русским солдатом, героем, освободителем. А для нее он был просто Алеша, сын, мальчик, о котором она знала все от рождения до дня, когда он уезжал по этой дороге на фронт. Он был нашим сверстником. Мы вместе с ним были на фронте и мы вам расскажем о нем историю, о которой не все знает даже она, его мать.

...Изображение женщины в черном медленно сменяется другим. Это та же самая женщина, но она значительно моложе. Она стоит на том же месте, но за ее спиной не праздничные дома нового села, а темные сиротливые избы военной поры...

Сильный ветер теребит на ней одежду, рвет с головы платок. На небе клубятся темные

Ветер гуляет по вздыбленной, исковерканной земле; воет, запутавшись в колючей проволоке; гонит по полю черные космы дыма.

Это фронт. Передний край.

В одиноком окопчике - курносый паренек в форме солдата. Он с волнением всматривается вдаль. Оттуда, нарастая, слышится зловещий гул моторов.

Рядом с пареньком пожилой солдат. Он кричит в трубку.

- "Орел"! "Орел"! "Орел"! Отвечайте! Вижу танки... Вижу танки!..

Ему не отвечают. Он встряхивает трубку. Непослушными пальцами щупает шнур... Снова кричит, срывая голос:

- "Орел"! "Орел"!..

Нет ответа. Солдаты глянули друг на друга. В их взглядах и страх, и досада, и немой вопрос "что делать?".

Впереди все нарастает и нарастает гул моторов и скрежет гусениц...

- Надо отходить к окопам,- хрипло говорит пожилой.

- Не было приказа...

- Что ж мы, с винтовками против пяти танков? Только краску царапать...

- А сообщить...

Пожилой рассердился:

- С того света?!.. Сматывай, дурило!..- закричал он на молодого.

Но тот, вместо ответа, вырвал у него трубку.

- "Орел", "Орел"... Я - "Зяблик", я - "Зяблик"!..- закричал он срывающимся мальчишеским голосом.

Между тем танки с ходу открыли огонь. Над головами с характерный шипением понеслись снаряды. Окопы не отвечали.

- "Орел", "Орел"! - упрямо кричит в трубку молодой боец, сердито глядя на танки,

Ждать было глупо. Пожилой, махнув рукой, быстро уползает.

Паренек остается один. Он сразу ощущает свое одиночество.

- "Орел"!.. "Орел"!..- повторяет он.- Я - "Зяблик", я - "Зяблик"...

А танки все ближе и ближе. В голосе паренька звучат испуг и обида.

- "Орел"! "Орел"!.. Что же вы?.. Я "Зяблик"...- Он с отчаянием и растерянностью смотрит на приближающиеся танки.

И вдруг ему отвечают.

- "Орел"!! - радостно закричал паренек.- Да! Я - "Зяблик"! Да. Вижу... пять штук... Пехоты? Нет. Не вижу. Точно нет пехоты... Прямо на НП. Прямо на меня идут! Отходить?.. Есть!

Он торопливо отключает телефон, но серия взрывов заставляет его прижаться к земле. Артиллерийский шквал обрушился неожиданно. Взрывы следуют один за другим и вдруг так же неожиданно прекращаются. В наступившей тишине слышится рев идущих танков.

Паренек поднимает голову. Он видит, что один из танков совсем близко и движется прямо на него.

Страх и растерянность охватывают паренька. Зажмурив глаза и вобрав голову в плечи, он прижимается к земле.

Ревут моторы танков, взвизгивая, скрежещут гусеницы. Весь мир заполнен этим ревом и скрежетом!

Паренек не выдерживает и, вскочив на ноги, бросается бежать.

В танке замечают его и дают пулеметную очередь.

Паренек падает на землю. Над ним свистят пули.

Очередь прекращается. Танк движется на него. Паренек снова вскакивает и бежит от танка. Катушка и телефон мешают ему... Снова очередь... Он падает, поднимается и снова бежит....

Это выглядит нелепо и страшно. Огромная смертоносная машина гоняется по полю за одиноким беззащитным пареньком.

Паренек изнемог. Он плачет от обиды и страха, он пытается уйти в сторону. Но танк разворачивается и снова идет на него. Расстояние между ними неумолимо сокращается. Бежать не хватает сил.

Теперь танк даже не стреляет. Он хочет просто догнать и раздавить паренька.

Паренек бросает телефон и катушку, из последних сил бежит дальше.

Впереди развороченный взрывом окопчик. Здесь был противотанковый заслон, но весь его расчет уничтожен... Обессиленный паренек сваливается в окопчик... Танк идет на него. Вот он уже совсем близко. Вот гусеницы раздавили телефон и катушку, оставленные пареньком. Сейчас точно так же они раздавят и его. Выхода нет. Бежать нет сил.

Паренек беспомощно оглядывается. Он хочет снова бежать из окопа, и вдруг, заметив лежащее на земле противотанковое ружье, хватается за него и в упор стреляет по танку. Вздвогнув, будто наткнувшись на что-то, танк останавливается. Взвыл металлическим воем его мотор, и танк охватило пламенем.

Удивленно смотрит на горящий танк паренек. Кажется, он не вполне понимает, что произошло. Пылает танк, и вдруг - пулеметная очередь. Перед солдатом вспыхивают фонтанчики земли. Это соседний танк открывает по нему огонь.

Паренек прижимается к земле и, переждав очередь, стреляет по другому танку несколько раз подряд.

Танк, завертевшись на месте, замирает...

- А-а!.. Не любишь!!! - по-мальчишески кричит паренек и переносит огонь на другие танки.

Те поспешно отходят назад. Около них начинают рваться снаряды. Сзади, от окопов, слышится нарастающее "ура".

Бой кончился. Пехота закрепляется в окопах. Курят, жуют сухари, запивая водой из алюминиевых фляг. Сносят раненых. Наш паренек стоит в кругу солдат. Его хлопают по плечу, поздравляют, шутят, а он устало и не очень весело поглядывает на окружающих.

- Ну-у, ты, брат, силен... Как же ты их, а?

- Талант!..- дурачится кто-то.- Ему бы сразу в бронебойщики, а он в связи припухал!

- Да-а, теперь бы уж сколько он их наломал!..

- Ладно! - отмахивается парень.

- Ты чего? - удивляется веселый солдат.

- Его лейтенант за телефон взгрел,- поясняет пожилой, тот самый, которого мы видели с нашим пареньком в окопчике.

- А ты бы сказал, что это ты танки подбил.

- Говорил я...

- Ну, а он?

Паренек отмахнулся.

- Лейтенанту сейчас туго приходится!.. Генерал вызвал на протирку...сочувственно говорит веселый.- А ты не горюй! Тебе все равно награда полагается. Шутка?! Два танка!

- Чудеса! Что ж ты, дурило, от танка бежать вздумал? Верная смерть!.. Тебя ж инструктировали,- говорит сержант.

Паренек ничего не отвечает.

Со стороны слышится голос: "Эй, ребята! Скворцова не видали?.."

- Здесь он!

Подходит вестовой, запыхавшись, сообщает пареньку:

- Давай, Скворцов, генерал вызывает!

- Ну вот,- говорит пожилой товарищ Скворцова.- Говорил я тебе: уходить надо!.. Потерял телефон. Теперь нам за него врежут!

Командный пункт генерала.

Еще издали слышен его зычный голос:

-...В игрушки играете! Детский сад! Почему не открыли огонь вовремя?.. Чего вы ждали?..

Алексей с вестовым подходят ближе и видят генерала.

Он сидит на перевернутом ящике. Вокруг него толпятся офицеры штаба и командиры частей...

- Мудрецы!..- продолжал распекать их генерал.- Оголили фланг... подставили пехоту. Пожалуйста! Дави!..

- Я уже докладывал вам, товарищ генерал. Там был расчет... Он полностью уничтожен...

- Устали люди, товарищ генерал...

- Знаю... Не оправдывайтесь этим!..- Генерал помолчал и сказал другим тоном: - Сегодня ночью нас сменит шестая дивизия... Ну, где же этот ваш Скворцов?

Алексей вышел вперед и, приложив руку к пилотке, доложил:

- Боец Скворцов по вашему приказанию прибыл!

Генерал строго посмотрел на него.

- Ну, рассказывай... как у тебя там все получилось?.. Ты ведь на наблюдательном пункте был?

- Да.

- Ну, так как же?..

Алексей набрался решимости.

- Я, товарищ генерал, честно скажу... струсил... Уж очень они близко подошли... ну и...- Алексей виновато опустил голову, потом снова поднял и сказал, глядя на генерала.- Испугался я...

- Так это ты с испугу два танка подбил? - улыбнулся генерал.

Стоящие вокруг офицеры засмеялись.

Алексей оглянулся по сторонам и, увидев смеющиеся лица офицеров, тоже улыбнулся.

- Значит, с испугу? - повторил генерал.

Алексей смущенно кивнул. Генерал был доволен.

- Все бы так пугались!..- пошутил он.

И все вокруг снова засмеялись.

Алексей боролся со своим смущением.

- Постой! - сказал вдруг генерал.- А может быть, это не ты их подбил, а кто другой? - Глаза его весело светились.

- Я...- ответил Алексей ко всеобщему удовольствию.- Я, товарищ генерал, когда вскочил в окопчик... смотрю, а он на меня... ну прямо едет и все!.. Я вижу - конец, схватил ПТР и в него... а он загорелся. Он от меня ну совсем близко был... А потом я во второго, тот был подальше...

Все снова засмеялись.

- Молодец,- сказал генерал,- представим тебя к награде. Запишите,повернулся он к пожилому офицеру.

- Товарищ генерал,- сказал вдруг Скворцов,- нельзя мне вместо награды на денек к матери съездить?

Офицеры опять заулыбались, покачивая головами.

Генерал внимательно посмотрел на Алексея и тоже улыбнулся.

- Сколько тебе лет? - спросил он.

- Девятнадцать,- ответил Алексей.- Я, товарищ генерал, когда на фронт уезжал, с матерью не простился, а тут еще письмо пришло - крыша прохудилась... Отпустите, товарищ генерал... На один денек.

Генерал задумался.

- Дома побывать не худо,- сказал он, подняв взгляд на Алексея.- А только нельзя нам, Скворцов, фронт оставлять. Война... А мы с тобой солдаты.

- С фронта я б не просился, товарищ генерал, а поскольку все равно на отдых отходим... Мне бы один денек... Я бы крышу починил и сразу назад...

- А что? - сказал генерал весело.- Давайте отпустим Скворцова. Пусть крышу починит... А?.. Только смотри... вернуться в срок!..

- Товарищ генерал... да я...- задохнулся от радости Алексей.- Товарищ генерал, в лепешку разобьюсь..

- Ладно, ладно...- остановил его генерал и, вздохнув, с завистью произнес: - Повезло тебе, Скворцов... Ты где живешь?

- Георгиевский я... Село Сосновка. За сутки буду там...

- Не-ет, братец ты мой, по теперешним временам тебе суток не хватит. Даю тебе двое суток туда, двое назад... Ну и для ровного счета двое суток на все остальное... Доволен?

...По дороге от фронта летит грузовая машина. В ее кабине, рядом с шофером, Алексей Скворцов. Шофер весело встряхивает головой:

- Два дня дома!.. Это кому рассказать - не поверит! А ведь если на дороге сэкономить, то и три натянуть можно... А?

- К поезду бы поспеть...- говорит Алексей с улыбкой.

Шофер делает успокоительный жест свободной рукой.

- Как часы!..- говорит он и жмет на сигнал.

Уступая им путь, сторонится к обочине идущая к фронту пехота.

- Небось сразу к "ней" побежишь,- продолжает шофер.

- К кому?

- Известно к кому! - шофер весело подмигнул.- Ждет ведь зазноба!..

- Нет у меня зазнобы...- смущенно признался Алексей.

- Да ну-у! - шофер удивленно посмотрел на Алексея.- К кому же ты едешь?

- К матери.

- К матери - это само собой... Только как же это ты без зазнобы?! Шофер покрутил кудрявой головой.- Эх, мне бы такое счастье! Я бы сейчас в МТС... Там у меня Груняша, прицеппица!.. У тебя какая специальность?

- Никакой... Я в школе учился - и сразу на фронт.

- И что ты за человек такой?! - балагурит шофер.- Девчонки у тебя нет, специальности нет, и водки ты, наверно, тоже не пьешь...

- Почему?...- неуверенно возразил Алексей.

- Не пьешь, по лицу видно...- отмахнулся шофер.- И зачем только таких в отпуска досылают?!.. Послали бы, скажем, меня... Да я там... Боже ты мой!.. У меня бы весь район три дня качало!..

Дорога через болото шла гатью. С одной стороны на гать выехала машина, с другой - голова колонны тяжелых тягачей. Разминуться им невозможно. С тягача замахали руками, закричали что-то... Шофер упрямо замотал головой.

- Погоди! А ну, давай документ.

Взяв у Алексея отпускное свидетельство, шофер выскочил из машины и, размахивая им, побежал к тягачам. Алексей остался в машине. Он видел, как шофер взобрался на головной тягач, как он объяснял что-то, указывая на Алексея. Потом он соскочил на землю и побежал назад к машине.

И тут произошло "чудо". Тяжелый тягач заревел и попятился назад, уступая дорогу полуторке.

- Порядок!..- весело крикнул шофер, трогая машину.- С такой увольнительной по воздуху летать можно!

Разрушенная прифронтная станция. На пути несколько товарных вагонов, из которых солдаты выгружают продолговатые ящики. Несколько человек у колонки пьют воду, умываются.

Сюда подлетает машина. Выпрыгнув из нее, Алексей и шофер бегут к платформе. Поезда нет.

- Папаша,- обращается к проходящему мимо пожилому железнодорожнику шофер.- А где поезд?

Железнодорожник останавливается, равнодушно оглядывает их.

- Какой поезд?

- На Борисов, что в два сорок отходит!

- А-а, этот...- сказал железнодорожник.- Этот еще не приходил...

- Как же так?

- Немцы путь разбомбили. Не знаешь как?

- Когда же он будет?

- Может, к вечеру будет, а может, завтра к утру,- сказал железнодорожник и побрел своей дорогой.

- Сэкономил!..- безнадежно махнул рукой Алексей и сел на рельсы.

Шофер обескураженно топтался на месте.

- Эй! Хлопцы! - крикнул им кто-то с перрона.- Машина часом не ваша?

- Наша,- ответил шофер.- А вы не Самойленко?

- Точно. Давайте машину - будем грузить.

Самойленко и еще несколько красноармейцев подошли к шоферу.

- Чего вы ищете?

- Да ничего не ищем! - ответил шофер.- Тут, понимаешь, ерунда получается. Парень отпуск на два дня получил.

- Ух ты! - крикнул кто-то.- Счастливчик!..

- Счастливчик... Еще от места не отъехал, а уже полсутки теряет. Поезд не пришел и неизвестно, когда будет.

- За что же это тебе, а?

- Неважно за что. Два танка подбил. Тут вопрос - как теперь быть. Ему до Георгиевска ехать, а на дорогу два дня.

- Вам бы не сюда надо, а на Баковку. Там три поезда в сутки ходят. А тут ветка.

- А далеко до Баковки? - спросил шофер.

- Тридцать километров - свободно можно успеть!

- Пошли! - решительно сказал шофер и быстро пошел к машине.

Алексей - за ним.

- Постой! - спохватился Самойленко.- А как же груз?

- Через час буду здесь. Груз не спешный, подождете.

- Смотри - тебе отвечать!..

Шофер развел руками.

- Приказ генерала!..

Алексей и шофер уже подходили к машине, когда сзади раздался крик:

- Стойте! Подожди-ка, солдат!

К Алексею подбежал, запыхавшись невысокий пехотинец лет тридцати.

- Ты, что ли, в отпуск едешь?

- Я.

- Через Узловую?

- Да.

- Друг! Зайди по этому адресу!..

Он отрывает от конверта обратный адрес и подает его Алексею.

- Что ты? Некогда мне!

Алексей поворачивается к машине, но пехотинец не пускает его.

- Друг! Там поезда по полчаса стоят, а мои у самого вокзала... Три минуты. Браток!..- упрасивал пехотинец.- Зайди!

- Ну, зайду,- сдался Алексей.- А что передать?

Глаза пехотинца радостно заблестели.

- Скажешь - видел меня!.. Видел, понимаешь? - Он ударил себя по груди, по плечам, как бы доказывая этим, что он существует.- Лизе!.. Жене... Мол, видел Сергея! С командой на фронт шел. Скажешь?

Команда плотным кольцом окружила Алексея.

- Скажи ты его Лизавете, что он об ней, ровно поэт какой, день и ночь мечтает,- смеется щербатый боец.

- Ты б ей подарок какой послал, Серега!

- А где его взять? На нем все казенное!

- Я пошел! - говорит Алексей.

Но его опять удерживают.

- Погоди-ка!... Слышь, старшина, дал бы Сереге кусок мыла. Пусть жене пошлет.

- Ему осьмушка положена один раз помыться...

- А ты дай кусок.

- Очумел, дурило?! У меня всего два куска на команду,

- Ну и дай один.

- Не положено!

Алексей двинулся к машине, открыл дверцу.

- Погоди, парень, даст он... Дай, не скупись!

- Давай, обойдемся!..- дружно поддержала команда.

Старшина достал из своего вещевого мешка и отдал Алексею кусок мыла.

- Давай и второй кусок! - с акцентом сказал молодой грузин.

- Что вы, ребята? - старшина искал сочувствия у команды.

- Дарить так дарить! - сказал грузин, и все дружно поддержали его.

Старшина разозлился.

- Что, мне больше всех надо! - Он с сердцем сунул в руки Алексея второй кусок мыла.

Алексей влез в кабину. Ребята закрыли за ним дверцу.

- Порядок! - сказал шофер и тронул машину.

- Улица Чехова, семь! - закричал пехотинец.

- Найду! - крикнул Алексей.

Солдаты весело смотрели вслед уходящей машине. Все были довольны. Один старшина был мрачен. Он махнул рукой и сказал с сожалением.

- Плакало мыльце... Становись!

Снова мчится машина.

Рухнувший в воду мост. Дорога проходит бродом.

Машина с разбега въезжает в речку, но на середине останавливается. Мотор заглох. Оба разом, и шофер и солдат, выпрыгивают в воду. Шофер бросается к капоту. Что-то говорит Алексею, беспомощно разводя руками. Собрав вещи и простившись с шофером, Алексей бежит к противоположному берегу.

Дорога. Бежит солдат.

Опушка леса. Превозмогая усталость, бежит солдат... Слышен гудок паровоза. Алексей сворачивает с дороги и бежит напрямик через кустарник.

Из-за леса показывается поезд. Алексей бежит наперерез ему, карабкается по склону насыпи, а поезд уже грохочет над ним.

Мимо мелькают пустые цистерны, товарные вагоны. Отдышавшись, Алексей хватается за поручни одного из вагонов и повисает на них, поезд уходит, увозя солдата.

Небольшой привокзальный рынок. Недалеко виднеется здание уцелевшего вокзала. Слышатся гудки паровозов. Это скудный рынок военной поры. Здесь усталые женщины продают вещи своих мужей. Здесь пожилые мужчины носят на ладони, выставляя напоказ, небольшие пайки черствого хлеба. Здесь бойкий инвалид торгует махоркой и старый, с грустными глазами, худой человек носит на ящичке от картотеки морскую свинку, которая "вытаскивает счастье".

Среди этой разношерстной толпы ходит веселый Алексей. Он с интересом приглядывается к вещам, которые держат в руках люди.

- Пожалуйста, молодой человек!.. Туфли "скороход". Совсем еще новые, предлагает ему пожилая женщина.- Купите!

- Мне бы платок...

- Какой?

- Для матери... Подарок.

- Пожалуйста! Есть замечательная шляпка. Она очень пойдет пожилой женщине.

И она, распаковывая свои вещи, вытаскивает добротную фетровую шляпу.

- Смотрите, молодой человек... Я купила ее перед самой войной... Очень модный фасон. Посмотрите!..- Она протягивает Алексею шляпу.

- Что вы! У нас таких не носят... Мне бы платок...- смущенно говорит Алексей и замечает стоящую неподалеку женщину с девочкой лет шести. В руках у женщины простой платок в горошек и маленькая, очевидно, девочка юбка.

- Купите,- робко говорит она, перехватив взгляд Алексея.

Алексей подходит, трогает платок.

- Сколько?

- Триста рублей.

- Ого!

- А сколько дадите? - тихо спрашивает женщина.

Худенькая девочка смотрит на Алексея усталым, недобрим взглядом.

Алексей достал из кармана деньги, перебрал их и пошел прочь, поняв, что ему здесь нечего было делать.

- Ишь ловкач, наверно, хотел за десятку вещь купить! - крикнула ему вслед какая-то торговка.

Кто-то засмеялся. А кто-то строго прикрикнул на смеющихся:

- Чего ржете!.. Откуда у солдата деньги?

Через несколько шагов кто-то дернул Алексея за плечо.

- Солдат, а солдат!..

Алексей оглянулся.

- Купи бритву!

В руках у бойкого мужичка, одетого в ватник, сверкнула раскрытая бритва.

Солдат посмотрел на бритву.

- Бери! Все девки твои будут!

- Сколько? - не удержавшись, полюбопытствовал Алексей.

- Семь.

- Чего?

- Сот, защитник...

- Силен!..- Алексей , смеясь, покачал головой.

- Слабоват, гроза фрицев? Тогда бери зажигалку - даром отдам! Мужичок показывает простенькую зажигалку, сделанную из патрона.- Гляди - не машинка, а огнемёт! - Мужичок чиркает пальцем раз, другой, зажигалка не вспыхивает. Он чиркает еще и еще.- Это ничего, зато потом не потушишь пожар!

Алексей, усмехнувшись, лезет в карман и достает никелированный пистолет. Направив его в лицо мужичка, он нажимает спусковой крючок - тот вскрикивает, отшатнувшись, а у пистолета откидывается верхняя планка и загорелся огонек. Это зажигалка, изготовленная в виде пистолете.

Алексей смеется. У мужичка загорелись глаза.

- Продай!!!

- Сколько? - улыбаясь, спрашивает Алексей.

- Полторы!

- Тыщи?

- Сотни, чудило!

Алексей спокойно прячет зажигалку в карман. Мужичек хватает его за руку.

- Две, будущий лейтенант!

Алексей снова освобождает руку и делает шаг.

- Ну, бери еще четвертак, капитан!.. Не люблю торговаться!..

Алексей смеется:

- До генерала дойдешь, может, договоримся!

Он идет дальше.

- Черт с тобой!.. Окопная жила!

Мужичок прихрамывая бросился прочь и скрылся в толпе. Но это был только прием - не успел Алексей сделать и трех шагов, как тот появился вновь.

Он с необыкновенно серьезным лицом протянул Алексею свернутые трубочкой деньги.

- Договорились. Давай машинку.

- Да что ты волнуешься? - улыбнулся Алексей.- Приезжай к нам на фронт - там они бесплатно, только разок в атаку сходить.

- Не могу, полковник... Плоскоступие - забракован... Черт с тобой, на еще четвертак, хотел на пиво заначить!.. Вот! Бери, обманул ты меня! Давай машинку, давай!..

Он бурно напирал на Алексея, хватал его за грудь и, чуть не силой отобрал "пистолет", бросился в толпу повторяя:

- Обманул ты меня, обманул!

Это все произошло, в общем, так быстро, что Алексей не успел опомниться. Оставшись один, он пересчитал деньги - всего было двести рублей. Он улыбнулся и, махнув рукой, достал из кармана свои деньги, прибавил их к этим, быстро направился к женщине, продающей платок.

-...Вот, возьмите!..- Дает он ей деньги и, довольный, сияющий, укладывает платочек в вещевой мешок.

Со стороны станции доносится гудок паровоза. Кивнув на прощание женщине, Алексей торопливо направляется в сторону гудка.

- Молодой человек! - окликает его какая-то женщина.- Посмотрите!..

- Некогда!..

- Солдатик, молочка!

- Некогда, мамаша...

Алексей торопится к вокзалу. Он обгоняет людей с чемоданами, мешками. Все спешат.

Впереди Алексея, неумело опираясь на костыли, ковыляет на одной ноге инвалид. Костыли мешают ему нести чемодан. Он останавливается, опускает чемодан на землю, вытирает со лба пот.

Поравнявшись с ним, Алексей весело предлагает:

- Давайте помогу!..

Он подхватывает чемодан инвалида. Тот, не препятствуя, принимает его помощь.

- Куда едете? - спрашивает Алексей на ходу.

- В Борисов.

- Домой?

- Да... Отвоевался...

- И я домой, в отпуск. Тоже счастье выпало! - с веселой непосредственностью сообщил Алексей.

Инвалид внимательно посмотрел на него.

- Счастье?

- Ага! Все даже удивляются, как мне повезло... Значит, до Борисова мы попутчики!..

Они вышли на перрон. Здесь толпились люди.

Инвалид остановился в раздумье.

- Постой,- сказал он вдруг Алексею.- Ты здесь подожди, мне телеграмму дать нужно. Я сейчас.- И он, стуча костылями, быстро пошел в вокзал.

Алексей посмотрел ему вслед, поставил чемодан на землю и стал ждать. Мимо него то в одну, то в другую сторону пробегали взволнованные пассажиры. Он наблюдал за ними.

...На перроне волнение усилилось. Все смотрели куда-то направо, в конец станции. Оттуда появился поезд. Алексей заволновался. Он с беспокойством глядел то на поезд, то на дверь вокзала, за которой скрылся инвалид.

...Началась посадка. Пассажиры штурмом брали вагоны. Ждать больше было невозможно, и, подняв чемодан, Алексей, злой и решительный, направился на поиски инвалида. Навстречу ему двигалась толпа пассажиров. Его отталкивали от двери. Ругались. Но он все-таки протиснулся в зал. Он прошел мимо отдыхающих на скамейках и на полу людей. Расталкал толпу у кассы и выбрался, наконец, к дверям, над которыми висела табличка "Почта-телеграф".

Он открыл дверь.

В пустой комнате телеграфа у длинного стола сидел на краешке скамьи инвалид.

Он был в тяжелом раздумье. Перед ним на столе лежал бланк телеграммы. Несколько скомканных бланков валялось рядом.

- Что же вы делаете?!.- возмущенно закричал Алексей.- Пришел поезд, идет посадка, а вы!..

Он вдруг осекся: инвалид медленно повернул к нему голову, и он увидел его глаза - отсутствующие, полные невыразимой боли.

- Чего тебе?..- тихо опросил инвалид.

- Ехать надо... Я там... с вашим чемоданом, а вы...

Инвалид долго молчал.

- Иди... Я не поеду,- наконец сказал он и, отвернувшись, опустил голову на крепко сжатый кулак.

Алексей переступил с ноги на ногу, не решаясь уйти.

- Что с вами? - участливо спросил он, подойдя к инвалиду и тронув его плечо.

Инвалид резко повернулся, закричал:

- Что тебе надо?!.. Ты что ко мне привязался?!.. Катись отсюда! - Он отвернулся.

В окошечке показалось лицо телефонистки.

Алексей обиженно заморгал.

- "Катись"... я там с его чемоданом... Хорошо. И пойду.

Но инвалид, повернувшись, вдруг схватил его за руку и горячо заговорил.

- Прости, друг!.. Тяжело мне. Вот жене телеграмму посылаю, что не приеду... Совсем! Чтоб не встречала... и вообще не ждала!..

- Зачем?!.

- Так надо.

За окном ударил колокол, раздался гудок паровоза и по стене двинулись и поплыли тени вагонов.

- Она красивая... избалованная. У нас и до войны не все ладилось... А теперь я...- Он кивнул на костыли. Алексей хотел что-то сказать.- Молчи!.. Я все знаю. Она добрая. Она будет со мной жить, но это уж будет не та жизнь. Понимаешь?.. Лучше все сразу!.. Одним ударом! Детей у нас нет. Она еще будет счастлива. Я тоже не пропаду... Понял?..- Алексей молчал.- Россия большая,- глядя в сторону, сказал инвалид.- Уеду куда-нибудь. Найду работу и буду жить... Правильно?..

- Я не знаю,- сказал Алексей и задумался.

По лицу его плыли тени... В окнах мелькали вагоны уходящего поезда.

Инвалид долго еще сидел и, наконец, словно подводя итог всему, проговорил:

- Вот и все... Так лучше!

Он поднялся, взял со стола бланк телеграммы и направился к окошечку. В тишине пустой комнаты трижды стукнули его костыли - стук!.. стук!.. стук!..

Он протянул в окошечко телеграмму.

- Примите.

Телеграфистка, молодая женщина с некрасивым лицом, волнуясь, взяла телеграмму, подержала ее в руках и вдруг глухо сказала:

- Я не приму этой телеграммы.

- Что? - не поняв, тихо переспросил инвалид.

Телефонистка поднялась с места.

- Я не приму этой телеграммы!.. Вы... вы все врете! Это подло!.. Подло!.. Подло так думать! - Глаза ее наполнились слезами.- Вас здесь ждут, мучаются!.. А вы... Это подло!.. Вот!.. Вот!.. Вот!..- Повторяя последние слова, она рвала телеграмму на мелкие кусочки.- Вот!.. Делайте со мной что хотите!..

Она замолчала. Он, ошеломленный этим натиском, взволнованно сморщился, опустил голову.

- Правильно!! - вдруг раздался в тишине радостный возглас Алексея. Он протянул руку к телеграфистке.- Давайте бланк!.. Мы другую напишем. Чтобы встречала!..

Тамбур пассажирского вагона. За дверью мелькают привокзальные строения. Поезд отходит от станции. В тамбуре инвалид и Алексей.

- А вы говорили, что не сядем,- радуется Алексей.

- Жалко мне твоего времени, Алеша. Четыре часа из-за меня потерял.

- Ничего... Нагоню - путь длинный! - отвечает Алексей и, повернувшись к проводнице, спрашивает.- Когда будем в Борисове?

- К утру будем там,- отвечает она.

Инвалид взволнованно вздыхает.

- Что вы? - спрашивает Алексей.

- Так... Ничего.

- А вы не думайте! Пойдемте лучше в вагон.

...Вагон набит до отказа людьми, чемоданами, узлами. Со всех полок свешиваются ноги.

По проходу медленно движется инвалид. За ним с его чемоданом идет Алексей. Дорогу им преграждают два огромных сапога. Инвалид останавливается. Ноги поднимаются. Инвалид, согнувшись, проходит под ними.

Он идет дальше. На уровне его лица со всех полок торчат ноги. Обутые в сапоги, босые, в ботинках, в туфлях, ноги, ноги, ноги...

Чем дальше идет инвалид, тем мрачнее становится его взгляд. Наконец он останавливается и закрывает глаза.

Какой-то пожилой старшина, расталкивает спящих солдат.

- Эй, друзья, потеснитесь!.. Дайте человеку сесть...

Солдаты, потеснившись, освобождают место. Инвалид проходит, садится, преклонив голову к костылям.

- Что вы? - нагнувшись, спрашивает его Алексей.

- Ничего... Пройдет...

- Устали?

- Да.

- С непривычки...- говорит кто-то из солдат.

Алексей сел рядом на чемодан, достал из кармана пачку нарезанных для курения газетных бумажек, протянул инвалиду.

- Закурим?

Инвалид отрицательно покачал головой.

- Разрешите бумажки? - попросил сидящий напротив старшина.

- Пожалуйста.

Тотчас же к пачке потянулось несколько солдатских рук. Пачка сразу разошлась.

- И махорка у вас найдется? - спросил Алексея веселый ефрейтор.

- Найдется! - отвечает Алексей и отдает ему свой кисет.

- Хороша махорка! - восхищается кто-то.

- Где покупал?

- Фронтвая...

- Пулеметчик?

- Связист я.

Кисет идет по рукам.

- А как насчет огонька?

- Это так получается,- замечает рябой,- как один солдат у хозяйки воду просил: "Тетя, дайте напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде".

Все смеются.

- Точно!..- соглашается старшина.- Это по твоему методу получается: попросил у Маруси напиться, а потом тебя три ночи найти не могли.

Снова смех. А рябой вздыхает:

- Хорошая женщина... Забыть невозможно.
- Зачем забывать? Война кончится - поезжай и женись.
- Дурак! У нее ж муж.
- Тоже рябой?
- Нет, гладкий.
- А ты почему знаешь?
- Сказывала...
- Что ж она гладкого на тебя, рябого, променяла?
- А я почему знаю?.. Может, у него какой другой дефект.

Все снова смеются. Громче всех Алексей.

- А ты, брат, весельчак! - замечает ефрейтор и, кивнув в сторону инвалида, спрашивает Алексея.- Провожаешь товарища?
- Нет, я сам по себе... Я тоже домой еду.
- Домой? - переспрашивает ефрейтор.
- Да. В отпуск.
- Понятно,- подмигивает всем ефрейтор.- Крой дальше!
- Нет, правда... Я два танка подбил. Не верите?
- Почему же?..
- Чем же ты их подбил?
- А телефонной трубкой! - вмешивается рябой.- Там же два ствола.

Все снова смеются, а рябой продолжает:

- Ведь они, связисты, как?.. Идет по фронту, видит - танки... Раз одного!.. Раз другого!.. И - в сумку...

Снова смеются солдаты, улыбается и инвалид. Заметив его улыбку, весело смеется Алексей...

Ночь. Вагон спит.

Облокотясь на вещевой мешок, спит старшина; откинув голову назад, спит рябой парень; подперев лицо большой мужицкой ладонью, спит веселый ефрейтор. И наш солдат спит, улыбается чему-то во сне.

Один инвалид не спит. Сидит, опершись на костыли, думает невеселую думу.

Стучит на стыках колеса, скрипят и дребезжат разболтанные переборки вагона.

Поезд мчится по степи и где-то впереди уже начинает светлеть небо...

Утро. Станция Борисов. Пассажиры выходят из вагонов.

В дверях вагона появляется инвалид. Он пробирается сквозь толпу, осаждающую вагон, а сам ищет взглядом жену. Алексей с чемоданом идет следом за ним.

Выбравшись из толпы, инвалид останавливается и оглядывается вокруг. Он всматривается в суетящихся на перроне людей. Жены нет.

Инвалид направляется вдоль перрона. Алексей идет за ним. Но и здесь никого нет.

...Опустевший перрон. Ушел поезд. Разошлись люди. Только инвалид и Алексей одиноко стоят на перроне. Инвалид уже не смотрит по сторонам. Опустив голову, он мрачно уставился в землю.

Алексей, вздыхая, поглядывает на него. Инвалид поднял голову, сердито сказал Алексею:

- Что ты стоишь?.. Иди.

Алексей молча кивнул, но никуда не уходит.

- Тебе же ехать надо. Иди!

- Я сейчас...- Алексей помялся. Достал кисет, протянул его инвалиду, но, боясь, что тот снова рассердится, вдруг поспешно спрятал кисет в карман.

- Дай закурить,- сказал инвалид не глядя.

Они стоят на перроне. Молча курят.

Алексей поглядывает на инвалида, а тот, перестав уже надеяться, тоскливо смотрит вдаль на виднеющийся отсюда город с белыми колокольнями.

Снова перрон заполняется людьми - прибыл поезд, едущий в обратную сторону.

Цигарка догорела до самых пальцев. Инвалид бросил ее и повернулся к Алексею. Почти спокойно сказал:

- Ну вот, брат... Я так и думал. Пошли.

Он поворачивается, чтобы идти к вокзалу, и в это время над всем шумом раздается звонкий голос:

- Вася!!

Инвалид встрепенулся.

- Вася!

Какая-то женщина пробиравалась к ним через толпу. Она подбежала к инвалиду, обняла и заплакала у него на груди.

- Вася! Васенька!!

Он не двигается. Она оторвалась от него, посмотрела в глаза и снова прижалась к нему.

- Вернулся!.. Живой!! - шептала она.

Губы Василия дрогнули. Он тоже обнял ее. Она снова посмотрела ему в лицо. Он улыбнулся ей в ответ. Улыбка получалась грустная и жалкая... Она поняла все.

- Ничего... Ничего... теперь мы вместе,- улыбаясь сквозь слезы, шептала она.

Она гладила его лицо, волосы, плечи рукой, перевязанной грязным бинтом.

Алексей, улыбаясь, смотрел на них.

- Я так бежала!.. Автобусы не ходят,- говорила женщина.

Инвалид взял ее руку, стал разглядывать.

- Это так... стружка,- поясняла она.- Очень тяжелая сталь пошла. Я ведь теперь на заводе...

Рука была в рубцах и царапинах. Инвалид привлек жену к себе, обнял.

- Ну что, хозяйка, машину берете? - спросил человек в ватнике.- А то я поеду.

Женщина повернулась.

- Ах, да,- сказала она, поправляя выбившиеся из-под платка волосы. Мы сейчас... Вася, это шофер... Мы поедem...

Василий ревниво посмотрел на красавца шофера.

...Шофер поднимает чемодан. Жена взволнованная и счастливая берет мужа под руку и они направляются вслед нетерпеливому шоферу. Им мешают идти костыли. Василий осторожно отнял у жены свою руку, и она пошла с ним рядом.

Вдруг инвалид спохватился.

- Подожди, а где же парень? - Он повернулся, отыскивая глазами Алексея.- Где он?!

- Какой парень? - спросила жена.

- Солдат!.. Фронтовичек. Со мной ехал!.. Алеша!.. Алексей!! - громко закричал он, оглядываясь по сторонам.

Алексея на перроне не было.

Товарный состав. Все двери наглухо закрыты. Приставив винтовку к вагону и сам прислонившись к нему спиной, стоит здоровенный солдат, в короткой шинели, отчего он похож на толстую бабу, собравшуюся мыть полы. Он с хрустом уплетает яблоко.

Вывернувшись из-за соседнего состава, к нему подбегает Алексей.

- Здорово, друг!..- запыхавшись говорит он.

- Здорово...- не взглянув на него, отвечает толстый солдат.

- Сейчас отправляетесь?

- Точно.

- На Георгиевск?

- Точно...

- Послушай друг...

- Не разрешит,- перебивает солдат.

- Кто не разрешит?

Солдат долго хрустит яблоком. Сосредоточенно работает челюстями и, наконец проглотив, отвечает:

- Лейтенант...

- Да ты понимаешь?..

- Все понимаю... Не положено - стратегический груз...

Алексей смотрит на вагоны. В маленькие оконца-отдушины видны брикеты прессованного сена.

- Сено - стратегический груз?

- Вопрос - кому сено?...- невозмутимо отвечает солдат.

- Лошадям... Кому ж еще?

- Вопрос - каким лошадям?

- Ну, ладно...- махнул рукой Алексей.- Пускай твое сено стратегическое. Ты пойми только...- Алексей, горячась, достает отпускное свидетельство.- Я же в отпуск еду. С фронта. Понимаешь, друг? Полсуюток прошло... А у меня всего их двое!

- Я-то понимаю,- не взглянув на бумажку, отвечает солдат.- Лейтенант не поймет.

- Что же он за человек?

- Он?.. Зверь! Ясно?

Алексей поднялся, грустно оглядел эшелон.

- Слушай, черт с ним, с лейтенантом! Я залезу в вагон. А он и знать не будет. А?..

- Вот еще, охота мне из-за тебя под трибунал идти.

- Это за что же под трибунал?

- Подожжешь вагон - вот тебе и трибунал.

- Зачем же мне его поджигать?

- Мало ли... Вон у тебя в мешке что? Может, огнеопасные предметы?

- Да это тушенка!.. Гляди.

- Тушенка? - оживляется солдат.- А ну, покажи!

Солдат взял банку тушенки, повертел ее перед глазами, завистливо вздохнул.

- Везет вам, фронтовикам! Там у вас, говорят, трофейных часов, аккордеонов до черта!

- Точно! - согласился Алексей.- Такими аккордеонами лупят заслушаешься.

Солдат взял у Алексея банку, повертел ее перед глазами. Неожиданно сказал:

- Это что же?.. Выходит, ты часовому взятку предлагаешь?

Алексей разозлился, хотел вырвать тушенку из рук часового, но тот поспешно спрятал банку за спину.

- Да погоди ты!.. Шуток не понимаешь. Я ж пошутил...- Солдат оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было.- Только уговор,- строго сказал солдат,- залез в вагон - умер! Ясно?

Вагон.

Справа и слева до самого потолка здесь сложены связки прессованного сена. Середина вагона свободна, на полу постелена куча сена, надерганного из тюков.

Алексей доволен. Он бросает свои вещи на пол и начинает устраиваться. Вдруг совсем близко послышались голоса. Алексей настораживается и, поняв, что разговаривающие приближаются, быстро разгребает сено и скрывается под ним.

Голоса начинают затихать, по составу прокатывается грохот. Опасность, кажется, миновала.

Алексей вылезает из своего укрытия и вдруг замечает, что кто-то дергает тугую вагонную дверь... Дверь открывается.

Он падает лицом в сено и замирает. Несколько мгновений спустя дверь вновь закрывается. Алексей осторожно поднимает голову и застывает в изумлении. У дверей стоит худенькая девушка лет восемнадцати.

Она тяжело дышит от волнения и от возни с дверями... У ног ее лежит небольшой узелок.

Девушка уверена, что она в вагоне одна, она развязывает и сбрасывает с себя платок, расстегивает на груди легонькую кофточку и, подтянув спустившийся от бега чулок, потуже затягивает резинку на худенькой девичьем бедре.

Весь обсыпанный сеном, раскрыв от удивления рот, смотрят из своего укрытия Алексей.

Девушка инстинктивно оглядывается и видит солдата. Она замирает от неожиданности и испуга. Несколько мгновений они смотрят друг на друга. Поезд между тем набирает скорость.

Алексей шевельнулся, хочет что-то сказать. Девушка сразу бросается к двери. Упирается в переборку ногой. Дверь откатывается. В вагон врывается шум колес, стремительно несется земля. Девушка хватается свой узелок, выбрасывает из вагона и сама хочет прыгнуть за ним. Но тут сзади ее хватается Алексей.

- Куда?! - кричит он, оттаскивая ее от дверей.

Она по-своему понимает его действия и яростно отбивается.

- Пусти, подлец! Пусти!..

Он толкает ее к тюкам с сеном.

- Мама! - кричит она в отчаянии и, размахнувшись, что есть сил, бьет его по лицу. Не успевает Алексей опомниться от удара, как летит, отброшенный сильным толчком ее ноги в другой конец вагона.

Девушка снова бросается к двери, но в эту минуту поезд въезжает на мост. Грохот и мелькание ферм в проеме двери отрезвляют девушку. Она останавливается, в ужасе закрыв глаза.

Подоспевший Алексей снова отбрасывает ее назад. Она падает на мягкое сено, испуганно хватается за юбочку, смотрит на него глазами, полными ненависти и страха.

- Дура!!! - кричит он и поворачивается к двери.

- Пусти...- неуверенно скулит ему вслед девчонка.

Дверь с шумом захлопывается. В вагоне становится тише, Алексей поворачивается, строго смотрит на девушку. Но едва он делает движение от двери, как она снова вскакивает на ноги.

- Только подойди! - угрожающе кричит она и пятится назад.

Алексей удивлен.

- Ты чего, ненормальная?

- Только подойди - тогда узнаешь!

- Нужна ты мне...- сердито отмахнулся Алексей.

Он идет к своему месту и опускается на сено. Девушка на всякий случай переходит на другой конец вагона. Переждав некоторое время, она переходит ближе и двери.

- Куда?!.. А ну уйди от двери! - строго приказывает он.

- Не уйду!..

- Уйди, говорю, а то хуже будет!..

Девушка упрямо вцепилась в ручку. Алексей поднимается и делает шаг по направлению к ней.

- А-а-а!!! - что есть силы кричит девушка.

Он останавливается. Девушка сразу умолкает.

- Ты чего? - удивляется он.

- А ты чего?

- Ну чего ты орешь? Тебя, что, режут?

- А ты не подходи...

- А ты уйди от дверей.

- Не уйду!

Алексей двинулся к ней.

- А-а-а! - снова завопила девушка.

- Точно, ненормальная,- сказал он и пошел к своему месту.

...Шло время. Девушка все стояла на прежнем месте. Алексей повернулся, посмотрел на нее, улыбаясь, спросил:

- Ну, чего ты боишься?

Девушка отвернулась.

- Я тебя не трону.

- Попробуй!

- До утра стоять будешь?

Девушка отвернулась.

Поезд, замедляя ход, приближается к станции. Еще не успел он остановиться, а к нему бегут уже через пути несколько женщин с мешками и корзинами. Увидев их, толстый солдат лениво спрыгивает с площадки заднего вагона и направляется им наперерез.

В вагоне, у дверей, девушка... Она несколько раз дергает ручку, но дверь не поддается. Тогда она поворачивается к Алексею и требовательно говорит:

- Открой дверь. Я сойду.

Алексей подошел к двери.

Вдруг, прямо под ними раздается громкий окрик толстого солдата:

- А ну, откатись от военного эшелона!.. Поймаю - всех в трибунал сдам!

Девушка вздрагивает, испуганно смотрит на Алексея. Он подносит палец к губам.

Вагон дернуло. Снова тронулся поезд. За дверями опять кричит часовой:

- Эй, гражданочка, тебе говорят! Сейчас расстреляю на месте!..

Поезд набирал скорость, девушка в отчаянии взглянула на Алексея. Тот развел руками.

Впереди раздался протяжный гудок паровоза. Простучали на стрелках колеса... С каждым мигом поезд удалялся от станции. Девушка низко опустила голову и тихо заплакала.

Алексей заволновался.

- Ну, это ты зря...- начал было он.

- Это все ты!...- заговорила она сквозь слезы.- Это все ты виноват!... Во всем ты виноват!... Из-за тебя я вещи выбросила!

- Да ведь ты бы разбилась!..

- А тебе какое дело?! - не переставая реветь, продолжала она.- Тебя не просили!

- Ну и разбилась бы!

- А тебе что? Что ты ко мне привязался?

Алексей удивленно захлопал глазами.

- Я привязался?

- А кто же еще?

- Сама в вагон влезла, а я привязался.

- Да-а... А зачем ты в солому спрятался?
- Вот чудачка! Да что же ты думаешь, я от тебя, что ли, прятался?
- А от кого же?
- От лейтенанта!
- От какого лейтенанта?
- От начальника эшелона. Я ведь тоже, как ты, зайцем еду... А поймают - знаешь, какая волынка начнется? Проверка... Комендатура!..

Широко раскрытыми, полными слез глазами, смотрела девушка на Алексея. Он улыбнулся и признался ей:

- Да я ведь еще больше, чем ты, испугался. Я думал, что ты лейтенант!..

Девушка улыбнулась.

Алексей продолжал в том же тоне:

- Страху натерпелся, оплеуху заработал, да еще и виноват во всем!

Оба засмеялись. Потом девушка стала серьезной:

- У меня ведь там, в узелке, все,- говорит она.- И вещи, и хлеб, и юбка - все, все...
- Ничего, вернешься и найдешь свой узелок.
- Вы так думаете? - девушка с надеждой смотрит на Алексея.
- Конечно! Куда ему деться? Наверное, лежит сейчас в канавке и вас дожидается...- тоже переходит на "вы" Алексей.

Вдруг девушка, вспомнив что-то, испуганно вскрикивает:

- Ой!
- Что вы! - тоже пугается Алексей.
- У меня и расческа там!..

Алексей засмеялся.

- Вот вы смеетесь... А знаете, как сейчас трудно расческу достать?
- Возьмите мою,- говорит Алексей и протягивает девушке расческу.

Она с интересом рассматривает большую с крупными неровными зубьями металлическую расческу.

- Ой, какая!..
- Берите насовсем,- щедро предлагает он.
- А как же вы?
- Берите! У нас их полно! Мы их сами делаем!
- Как сами?
- Очень просто. Из самолетов.
- Из каких самолетов?
- Из немецких...
- Расчески из самолетов?
- И ложки, и мундштуки... Дюралюминий!
- А-а!.. Ну, спасибо!

Они помолчали. Под вагоном все так же ровно стучали колеса, поскрипывали переборки, девушка вздохнула и с тревогой сказала:

- Что же он все едет и едет?..

...Поезд подходит к небольшой станции. Вагон дернулся. Заскрипели тормоза.

- Подъезжаем...- сказал Алексей. Он с сожалением вздохнул.- Вы сходите, только быстро, чтоб никто не заметил!

Девушка кивнула. Поезд медленно сбавляет ход.

- А если узелка нет? Что я тогда делать буду?... Ведь у меня ничего, ни денег, ничего...
- Да-а...- сочувственно протянул Алексей.

Помолчали.

- Знаете что? - вдруг сказал Алексей.- А вы не слезайте...
- Как же так?
- Обойдемся... Еда у меня есть. Поезд идет хорошо и вагон со всеми удобствами!..

Она внимательно посмотрела на него.

- Нет. Я сойду...

Она встала ближе к двери, чтобы открыть ее, как только вагон остановится.

- Оставайтесь!..- еще раз предложил Алексей.

Девушка отрицательно покачала головой.

Поезд остановился. Она взялась за ручку, прислушалась. Было тихо...

Он молча ждал.

- Кто-то там ходит...- сказала она.

Алексей прислушался... Было тихо.

- Да... Кажется кто-то ходит,- сказал он.

Помолчали.

Девушка не двигалась. За дверями вагона по-прежнему было тихо... Наконец поезд медленно тронулся. Она, потупившись, стояла у двери... Алексей не спускал с нее глаз.

Поезд набрал скорость. Алексей облегченно вздохнул. Он быстро подошел к своему мешку и стал доставать из него хлеб и сало.

- Садитесь...- пригласил он ее.

- Нет-нет, спасибо! Я не хочу. Я сыта.

- Да вы не стесняйтесь!..

- Я не стесняюсь. Я сыта.

- Ну, попробуйте! Смотрите, какое сало!

- Сало? - заинтересовалась она.

- Да. Берите!

- Ну, разве что попробовать. Мне маленький кусочек... Только попробовать!..

...И вот они сидят друг против друга на сене и едят. В руках у девушки здоровенный кусок сала с хлебом. Она уплетает его за обе щеки. Видно, что она очень голодна. Глаза ее блестят.

Алексей тоже ест с аппетитом.

- Вкусно? - спрашивает он девушку.

- Угу...- кивает она.

Рот ее набит едой.

- Сухой паек.

- Угу...- девушка торопливо проглатывает кусок и горячо добавляет: А я еще очень вафли люблю!... Такие трубочкой... Помните, до войны продавали?

- Я до войны в деревне жил.

- А я в городе... И до войны и сейчас.

Они помолчали.

- А вы на меня не сердитесь? - спросила вдруг девушка.

- За что?

- Ну как же...

- Не за что.

- Ну... за то, что я вас ударила.

- Что вы!... Это бывает... Это даже хорошо для знакомства!..

- Так глупо получилось... Вы меня извините...

- Я тоже виноват. Испугал вас.

Они помолчали,

- Знаете что? - предложила вдруг девушка.- Давайте познакомимся?..

- Давайте!.. - Он встал и протянул руку.- Меня зовут Алексей.

- А меня - Шура... Очень приятно.

- Очень приятно!..

Взвизгнули тормоза. Шурка и Алексей разом повалились в сено. Поезд резко сбросил ход... Пока они смеясь поднимались, поезд остановился. У вагона послышались голоса:

- Ведро здесь?

- Вроде нет, товарищ лейтенант.

- А ну, откройте!

Алексей и Шурка снова упали в сено и торопливо зарылись в него.

- Да открывайте же, Гаврилкин! Что вы там возитесь? -сердито приказал кто-то.

- Сейчас, товарищ лейтенант. Тут, понимаете, такое дело... сразу нельзя.. Что-то заело, товарищ лейтенант!..

Солдат явно оттягивал время. Наконец, дверь откатилась.

- Ну, что там?

- Все в порядке, здесь оно! - отвечал из вагона толстый солдат.

Он, косясь в сторону сена, взял из угла ведро. Солдат уже направился назад, как вдруг заметил торчащую из сена женскую туфлю. Он даже остановился от неожиданности.

- Да быстрее же, Гаврилкин! Сейчас тронемся.

- Есть, товарищ лейтенант, иду!

Гаврилкин хмыкнул и прыгнул на землю. Отдав ведро, он закрыл дверь. Потом снова хмыкнул и отошел от вагона.

...Поезд уже отошел от остановки. Выскользнув из-под руки Алексея, Шурика быстро села. На лице ее смущение.

- Чуть не засыпались...- говорит Алексей, стряхивая сено, а сам смотрит на девушку.- Испугалась, Шура?

Она отрицательно качает головой.

- Ты ведь трусиха.

- Нет...- отвечает она очень тихо и отодвигается к брикету.

- Шура...- Он упирается рукой о брикет, и она оказывается в плену у него. Ей некуда отодвинуться. А он все глядит на нее.- Хорошее имя Шура!.. Мне нравится.

Она отрицательно качает головой.

- Шура!.. Ты к кому едешь? - Он совсем близко наклонился над ней.

Она смотрит ему в глаза и, увидев в них что-то, пугается.

- Я?... Я в Купинск еду... Я к жениху... Он в госпитале лежит...

- Что? - не понимая, переспросил Алексей.

-...Его очень тяжело ранили...- продолжает девушка.- Он летчик... Честное слово!..

Сбросив ослабевшую руку Алексея, девушка вскакивает на ноги и уходит в дальний конец вагона.

Алексей тоже поднимается на ноги.

Несколько секунд они стоят так, прислушиваясь к стуку собственных сердец. Взгляды их наконец встречаются.

- Я лучше сейчас сойду,- говорит девушка.

- Почему?

- Так...

- Ты что? Обиделась?

- Нет.

- А чего же?

- Просто так...

- Думаешь, я тебя к жениху не довезу?

- Ничего я не думаю... Я сойду...

- Сойду, сойду!.. Ну и сходи! - рассердился Алексей.- Подумаешь!.. Что я такого сделал? Я к тебе как к человеку, а ты... ты за кого меня принимаешь?!

- Да, а вы знаете, какие бывают люди?! - горячо возразила Шурка. В глазах ее появились слезы.- Когда моя мама погибла... и я осталась одна...Девушка вдруг запнулась и опустила голову.

Алексей виновато и сочувственно смотрел на нее. Он хотел что-то сказать, но не нашел слов.

Помолчали.

Потом Шурка посмотрела на него, улыбнулась сквозь слезы и неожиданно сказала:

- Пить хочется, правда?

- Да,- ответил Алексей и тоже улыбнулся.

Остановка. Из вагона с котелком в руке выпрыгивает Алексей. Оглянувшись по сторонам, он бежит к станции. Толстый солдат, проводив Алексея взглядом, прыгает на землю и направляется к его вагону.

...Мимо санитарного эшелона Алексей пробегает к колонке. Пока из крана ленивой струйкой сочится вода. Алексей беззаботно поглядывает по сторонам.

У санитарного эшелона греются на солнышке несколько раненых. Оттуда слышится громкий смех.

От эшелона с ведрами бежит к колонке краснощекая полная санитарка.

Алексей снимает с крана полный котелок.

- Эй, женишок,- улыбается она, обнажая большие неровные зубы,- дай-ка водички попить!

Пить ей не хочется. Это так, для знакомства.

- Некогда, доктор! - весело отвечает Алексей и, стараясь не расплескать воду, бежит к своему эшелону.

В вагоне стоит вконец напуганная Шурка. Над ней грозно навис толстый солдат.

- А вот сдам тебя в военный трибунал, тогда узнаешь, как в секретные эшелоны проникать!.. Следуй за мной!..

Шурка не двигается.

В дверях появляется Алексей с котелком воды.

- Следуй за мной!..- повторяет толстый солдат.

- Не пойду! - упирается Шурка.

- Следуй, тебе говорят! - солдат хватает Шурку за плечо.

Алексей одним прыжком метнулся в вагон.

- А ну, брось!

- А-а!.. Явился голубчик! - злорадно протянул толстый солдат.- Как же это получается? Мы с тобой по-честному договаривались, а ты здесь гражданских лиц провозишь?

- Какая разница - один человек или два?

- Значит, разница!... А ну, гражданочка...- Часовой взял Шурку за плечо.

Алексей подошел и, отбросив руку часового, встал между ним и Шуркой.

- Никуда она не пойдет! Ясно? Катись отсюда!

- Что-о?!..- удивился солдат.- Это кто же здесь старший?.. Ишь, устроился здесь со всеми удобствами - сено, девочка...

- Замолчи!..- шагнул к нему Алексей.

- Думаешь, я не видел. Все видел!..

- Что ты видел?

- Как вы с ней в сене кувыркались!..

Короткий и точный удар сбил солдата с ног. Задетый ногою, опрокинулся котелок с водой. Вскрикнула Шурка.

Солдат, сидя на полу, оступело хлопал глазами. Постепенно он пришел в себя и вдруг сказал спокойно и даже с каким-то злорадством:

- Оч-чень хорошо! Нападение на часового во время несения караульной службы!.. Знаешь, что за это бывает? - Он поднимается, поправляет обмундирование.

- Ну, и дерьмо же ты! - с презрением говорит Алексей.

- Это с какой точки смотреть,- обиженно говорит толстый солдат, продолжая заправляться.- С твоей, может, и дерьмо, а с моей - мне цены нету! - И вдруг, рассердившись, кричит: - А ну, вылезайте к чертовой матери из вагона! Оба!.. Не подчинитесь - стрелять буду! Панику подниму... Имею полное право!

- Стреляй! Как страшно!

- Ты еще лейтенанта не видал, оттого такой храбрый. Сейчас я тебе устрою! - И солдат, решительно щелкнув затвором, поднял вверх винтовку.

- Ну ладно,- примирительно сказал Алексей.- Погорячились и хватит. Давай поговорим по-хорошему...- Он взял солдата за руки и мягко, но настойчиво заставил опустить винтовку.

- Мне с тобой говорить не о чем. Убирайся с вагона со своей!..

- Ну! - вскипел Алексей и сжал кулаки.

Солдат поспешно отодвинулся.

- Даю два выстрела вверх... А потом!...- Он спотыкается о вещевой мешок Алексея. Глухо звякнули консервные банки.- Разложились здесь...Тушенку жрете!..

Алексей улыбнулся.

- Хочешь, я тебе еще банку дам?

Солдат молча отвернулся.

- Ну, две...

- Оскорбление личности хочешь тушенкой замазать?

- Да ты не сердись!.. Я по-свойски. Хочешь, извинюсь?

Солдат помялся.

- Ладно... Давай тушенку.

Алексей достал две банки и протянул их часовому. Тот с обиженный видом принял их и стал запихивать в карман. Инцидент, казалось, был исчерпан.

В это время в дверях показался лейтенант.

- Это еще что такое?! - сказал он высоким голосом, щурясь сквозь толстые очки.

- Вот, товарищ лейтенант, самовольно проникли в вагон. Принимаю решительные меры!..- сразу докладывает толстый солдат.

- Кто такие?... Куда едете?..- спросил лейтенант.

- До Георгиевска, товарищ лейтенант. Вот мои документы.- Алексей протягивает документы.

Лейтенант прочитал бумагу.

- Ого!..- воскликнул он и с интересом оглядел Алексея.- А девушка с вами?

Алексей и Шурка ответили одновременно, только она сказала "нет", а он сказал "да". Лейтенант улыбнулся.

- Понимаете, товарищ лейтенант!..- горячо начал Алексей.- У нее все вещи и деньги пропали, так что приходится...

- Ладно, ладно!... Не ври,- перебил его лейтенант.- Только вы с огнем поосторожнее!

- Я не курю.

Лейтенант повернулся к Гаврилкину и заметил банку тушенки, которую тот пытался засунуть в карман.

- Это еще что? - спросил он строго.

- А это, товарищ лейтенант...- Тот повертел банку, как будто впервые видел ее.- Вроде как тушенка...

- Где вы взяли? У них?.. Сейчас же верните!

- А они, товарищ лейтенант... того... добровольно...

- Прекратить разговоры!!! - закричал вдруг лейтенант высоким голосом.- Стойте как полагается! Опять вымогательством занимаетесь! Двое суток ареста! - Очки лейтенанта мерцали недобрым светом.

- За что же...- начал было толстый солдат.

- Не оправдывайтесь!.. Повторите приказание!

- Есть двое суток...- уныло повторил толстый солдат.

- Позор! - сказал лейтенант, тронул очки, спрыгнул на землю и исчез.

Толстый солдат развел руками. В одной из них была банка.

- Ну вот...- сказал он.- Я ж говорил... Зверь!

Заливается звонким смехом Шурка. Она поднимает с пола опрокинутый котелок и показывает Алексею пустое дно. Смеется она заразительно и с удовольствием, как смеются только в юности. Алексей широко улыбается ей.

Он подходит к двери и распахивает ее.

- Теперь можно!.. Теперь нам никакой "зверь" не страшен.

- "Зверь"...- улыбнулась Шурка.- А все-таки как приятно, Алеша... когда думаешь о человеке плохо, а он оказывается хороший!..

Алексей посмотрел на нее. Она улыбнулась ему. Оба задумались... Потом Шурка вдруг спросила:

- Алеша, а вы верите в дружбу?

- А как же. Солдату без дружбы нельзя.

- Нет, это я знаю. А вот между парнем и девушкой?..

- А почему же? Есть девушки даже лучше ребят.

- Я тоже так думаю, а некоторые считают, что возможна только любовь.

- Ерунда!.. Я, например, с одной девчонкой дружил... Дружили и ни о какой любви не думали.

- А может быть, этого не замечаешь, а сам любишь...

- Ее-то? - удивился он.- Ну нет!..

- А может, она?..

- Да она девчонка совсем... Соседка наша, Зойка... Нет, любовь - это другое...- сказал Алексей и нахмурился.

Шурка улыбалась своим мыслям.

- Алеша, а вам хотелось бы встретить друга?.. Настоящего, чтоб на всю жизнь? - спросила она после паузы.

Алексей кивнул утвердительно.

- И мне! - обрадовалась девушка.- Вот вы думаете, почему я еду?.. Вы думаете, что...

- Ты правильно делаешь, что к нему едешь... Молодец!

- Ой, все это не так!..

- Молодец, молодец. Не то что какая-нибудь вертихвостка.

- Нет, Алеша, вы ничего не знаете...

Оба замолчали, задумались. Потом девушка посмотрела на Алексея и решившись сказала.

- Знаете, Алеша?..

- Что? - Он повернулся к ней.

Она смутилась. Отвела взгляд...

- Очень что-то пить хочется. Правда?

- Да.

...Ночь. Поезд мчится мимо разрушенных сел, мимо обгоревших станций, мимо сброшенных с путей, разбитых вагонов.

Шурка не заметила, как уснула на плече у Алексея. Он не может уснуть. Сидит, думает. Прислушивается к ее дыханию. Шурка во сне доверчиво трется о его плечо. Он осторожно поднимается и отходит от нее к двери. Смотрит на проплывающие мимо темные деревья молодой рощи.

Шурка разметалась во сне. Он глядит на девушку, потом тихо подходит к ней... Наклоняется и укрывает своей шинелью.

...Поезд подходит к какой-то станции. Останавливается между двумя составами. Алексей берет котелок и поднимается. Шурка открывает глаза.

- Куда ты, Алеша?

- Воды принесу, ты спи.

Он спрыгивает вниз. Мимо проходит железнодорожник с фонарем в руке.

- Постоим, папаша? - спрашивает Алексей.

- Должно, постоим.

- А колонка где?

- Вон там.

Алексей подлезает под стоящий рядом состав, бежит через пути к колонке. У колонки - длинная очередь. Подходит Алексей. Из репродуктора слышны слова сводки. Вся очередь, замерев, слушает их...

"В результате тяжелых боев, в которых уничтожено много живой силы и техники противника, наши войска оставили город Курск..."

Алексей обращается к очереди:

- Разрешите, товарищи, котелок набрать, я с эшелона,- просит он.

И словно найдя выход горькому чувству, женщины набросились на солдата:

- Все здесь с эшелона!..

- В очередь вставай!

Алексей помялся и, махнув рукой, пошел назад к эшелону.

В это время завывала сирена. Из репродуктора от станции послышались слова диктора:

- Граждане, воздушная тревога!..

Оглянувшись назад, Алексей увидел, как от колонки разбегается очередь. Тогда он вернулся. Спокойно набрал воды и, поглядывая на небо, по которому рыскал прожекторный луч, быстро пошел к эшелону. Какие-то люди пробежали мимо него. Кто-то ругался у соседнего состава. Алексей полез под вагон и замер - его эшелона не было. Он выскочил из-под вагона и оторопело смотрел на пустые пути. Вдруг он заметил того же железнодорожника с фонарем.

- А эшелон где? - спросил он его.

- Ушел эшелон... а ты что, остался?

- Ты же говорил, что он постоит! Нарочно людей подводишь? - чуть не со слезами набросился на старика Алексей.

- Воздушная тревога! Приказано разгружать станцию.

- Что же делать?.. А? Отец? Скажи, что делать? Я должен его нагнать. Посоветуй!

- На Узловой он постоит часа три, а то и больше. А только как до Узловой добраться?

- Надо добраться! Не может быть, чтоб не было способа. Подумай, отец. Может, машина какая?

- Машина?.. А ты к лесному складу беги. Склад-то этот за станцией. Близко.

Склад лесоматериалов. Разбитые машинами подъезды. Штабеля бревен, досок, теса... все это в тревожном синем отсвете электрических лампочек военной поры. У склада стоят два старых грузовика. В одну из машин две женщины-грузчицы накладывают доски. Им помогает маленькая, средних лет женщина в телогрейке. К машинам подбегает Алексей. Он обращается к сидящему в переднем грузовике шоферу. Тот в полушубке и зимней шапке, дремлет, склонившись к баранке.

- Послушай, друг, мне сказали, тут есть машина на Узловую...

Шофер поднимает голову... и оказывается пожилой женщиной с усталым и сонным лицом.

- Извиняюсь,- пробормотал растерявшийся Алексей.

Шоферша, зевнув, проговорила:

- Вон, иди с ней договаривайся...- И, указав на женщину в телогрейке, снова склонилась к рукам, лежащим на руле.

Алексей направляется к женщине в телогрейке. Та стоит, разговаривая о чем-то с кладовщиком. Грузчики перестали грузить и присушиваются к их разговору.

- Я сказал "все" - значит все! Конец! - грубо орет кладовщик.

Алексей подходит ближе и слышит, как женщина тихо, с горечью говорит:

- Совести у тебя нет!.. Десять досок не додал. У нас же скот под открытым небом стоит!

- У всех под открытым небом!..- орет кладовщик.- Все понимают война!.. А ты все канючишь!.. Уходи - не мешай другим грузиться!..

- Постыдись, отдай доски - все равно пропьешь, а колхозу они вот как нужны!..

- А ты со мной пила?! - еще громче заорал кладовщик.- Пила?! Да?.. Ты кого оскорбляешь?! - Он грудью напирает на маленькую женщину.- А ну, проваливай!..- Он толкает ее.

У Алексея нет больше сил сдерживаться. Он бросается к кладовщику и, задыхаясь от ярости, почти шепотом говорит:

- Ты что же, гад, делаешь?.. Перед тобой женщина!

- А ты что суешься?.. Ты кто такой?! - напирая на "голос" орет кладовщик.

Сжав кулаки, Алексей молча, медленно идет на кладовщика. Он очень страшен сейчас. Кладовщик попятился.

- Ты что?.. Псих? Контуженный?.. Ты смотри! Эй!! - в страхе все громче и громче повторяет он, продолжая пятиться. Он спотыкается о какой-то предмет и падает на штабель из бревен.

Алексей склоняется к нему, рывком хватая за ватник, замахивается.

- Бабы! - орет кладовщик.- Бабы! Отдайте ему доски!.. Бабы!! - Он в страхе ежится и закрывает глаза.

Алексей, огромным усилием сдержав себя, отшвыривает кладовщика, поворачивается и быстро выходит из склада.

...Кончилась погрузка. Алексей сидит в кабине. Шоферша, включая мотор, косится на него.

- Ну и злой ты, парень!.. До сих пор лица на тебе нет.

- Я не злой...- глухо отвечает Алексей.- А только... я таких ненавижу... Они хуже фашистов!.. Те враги - и все ясно. А эти!

- Это правильно...- вздыхает женщина.- Подлец один, а скольким людям жизнь портит.

Алексей приоткрыл дверцу, высунулся и увидел трусливо выглядывающего из ворот кладовщика.

- Счастье твое, что времени мало! - крикнул ему Алексей.- Вернись с фронта - я с тобой не так поговорю! - Он хлопнул дверцей.

А когда машина тронулась, осмелевший кладовщик закричал ей вслед:

- Ты еще вернись!.. Ты сначала вернись с фронта!

Ночь... По размокшей от дождя дороге идет машина.

Алексей взволнованно прислушивается к неровной работе мотора. Шоферша сонно косится на него. Мотор ревет, захлебывается. Машина медленно продвигается вперед, съезжая в скользкие колдобины.

- Черт меня дернул сойти с эшелона!..- нервничая, говорит Алексей.

- Ничего, авось догонишь... На Узловой поезда иной раз по полсутки стоят... Тебе далеко?

- На Георгиевск.

- Свободно может простоять!.. На фронт - другое дело. Туда без остановки...- Женщина глубоко и горько вздохнула.- Эх, война, война!.. Конца-края не видно...

- Дорога дрянная...

- Да... Сын у меня на фронте... полевая почта сто тридцать девять... Не слышал?

- Нет.

- Танкист... Водитель танка...- начала было шоферша, но перебои в моторе усилились, женщина замолчала, поспешно схватилась за ручку подсоса. Напрасно. Мотор работал все глуше и, наконец, замолк.

Алексей огорченно взглянул на женщину.

- Что поделаешь...- сказала женщина и невесело пошутила: - Машина-то мне ровесница!..

...Алексей ожесточенно крутит ручку. Женщина бросается от капота к кабине и снова от кабины к капоту, дергает за какие-то рычаги. Мотор нехотя начинает работать.

Снова едет машина. Гудит, захлебывается мотор.

- Так и живем с этой техникой... А все-таки колхоз людей кормит... Одни бабы - а кормит!.. На все бабы - и работать, и детей смотреть, и слезы лить... Только бы живой вернулся... Молодой он, горячий... сам в драку лезет!..

Мчится по дороге машина. Мотор работает ровно. Мимо проносятся мокрые от дождя стволы деревьев.

- Тащит старушка! - одобрительно говорит шоферша.- Она, проклятая, у меня с норовом: то с места не сдвинешь, а то летит как бешеная...

- Так, может, и эшелон догоним?

- А что? Возможное дело... Минут через сорок будем там.

... Увязшая в грязи машина. По колеям видно, как она проскочила поворот и съехала в болото, земля вокруг глубоко истоптана сапогами. Грязные доски торчат из-под колес. Около машины стоят Алексей и его спутница.

- Теперь до конца войны отсюда не вылезем!..- махнув безнадежно рукой, говорит шоферша.- Прости меня, дуру старую. Третьи сутки не сплю.

Алексей огорченно молчит.

Издалека, нарастая, слышится тяжелый гул моторов и скрежет металла.

- Что это? - спрашивает женщина.

- Кажется, танки.

Гул и скрежет все ближе... и вот, им навстречу, из дождливой ночной мглы появляется силуэт тяжелой машины. Разворачиваясь, танк освещает их лучами своих фар, и так, подержав несколько секунд на свету, грозно ревя, проходит мимо...

За ним другой, третий, четвертый... И каждый светом своих фар выхватывает из темноты старенькую машину и стоящих около нее женщину и солдата.

- К фронту,- говорит солдат.

...Последний танк, разворачиваясь, освещает их и вдруг, подъехав вплотную, останавливается. Откидывается крышка люка и из танка выныривает молодой черноусый красавец - командир машины.

- Привет аргонавтам!..- кричит он с веселым задором.- Что? Идет ко дну ваш кораблик?!..- И, не дождавшись ответа, обращается к кому-то, сидящему внутри машины.- Вася, волоки тросик - выручим челюскинцев!..

Из машины появляется еще один танкист - маленький, ловкий, с тросом в руках. Он быстро цепляет один конец к танку, с другим подбегает к увязшей машине. Алексей бросается помогать ему... Они вдвоем зацепляют крюк. Танкист между тем спрашивает солдата:

- Ты, служба, как здесь очутился?

- Да вот, ехал на станцию и застрял.

- Понятно!.. Царице полей всегда без нас гибель!

Он выпрямляется.

- Порядок, товарищ лейтенант!

Командир, наклонившись, говорит что-то в люк, и через секунду танк, взревев, одним длинным рывком, как игрушку, выкидывает грузовичок на дорогу. Лейтенант громко смеется. Вася, смотав трос, быстро взбирается на танк, кричит на прощанье:

- Сообщите, как добрались!

- Куда сообщить-то? - спрашивает шоферша.

- Адрес известен: Берлин, до востребования, сержанту Василию Черту!..

Крышка люка захлопнулась, и танк, рванувшись, умчался догонять колонну.

- Вот уж истинно - Черт так черт!..- проговорила шоферша, глядя вслед, и с горечью добавила: - Сколько силы уходит... Проклятая война!.. Если бы всю эту силу на добрую пользу - какая бы жизнь была на земле!

Машина останавливается на переезде. Алексей выпрыгивает из нее и, взмахнув на прощание рукой, бежит к станции.

...В предрассветных сумерках на путях темнеет эшелон. Паровоза нет. Радостно размахивая котелком, Алексей бежит к эшелону. Он пробегает мимо колонки. Из крана сочится вода. Алексей возвращается, улыбаясь набирает в котелок воду и, стараясь не расплескать ее, спешит к эшелону.

От эшелона отделяется часовой и вскидывает винтовку.

- Назад, товарищ боец!

Алексей останавливается. Он видит худого длинного часового.

- Я с этого эшелона,- говорит он.- Мне лейтенант разрешил.

- Какой лейтенант?

- Начальник эшелона. И Гаврилкин знает.

- Какой еще Гаврилкин?

- Что до тебя был. Толстый такой... Часовой.

- А! Этот... вроде бабы?

- Ага! - обрадовался Алексей.

- Этот эшелон час как ушел! А мы в другую сторону..

Только теперь Алексей разглядел, что это другой эшелон.

Алексей постоял немного, с досады выплеснул из котелка воду и медленно пошел к вокзалу. Он шел, устало понурив голову, плечи его обвисли. Усталость и приключения этой ночи одолели его...

Вдруг он остановился, пораженный... Прямо перед собой он увидел Шурку с его вещевым мешком и шинелью в руках.

- Шурка! - удивился он.- Ты здесь?!

- Да.- Она поспешно протянула ему вещи.- Вот... вы забыли...

- Шурка! Какая ты умница!

- Это из-за меня ты отстал...

- Глупая, я думал, что не увижу тебя!

- А я ждала.

Глаза Алексея радостно блестели. Шурка отвела взгляд и увидела котелок. Она быстро присела и заглянула в него. Он был пуст.

- Так пить хочется...- сказала она, подняв взгляд на Алексея.

- Ты еще не пила?

- Боялась тебя пропустить...

- Шурка ты моя!.. Идем!

Он схватил ее за руку и потянул к колонке. Здесь по-прежнему никого не было. Он подставил под кран котелок, но она не хотела ждать. Отстранила его и жадно пила холодную воду прямо из-под крана. Он стоял рядом и блаженно улыбался.

Потом под краном она мыла ноги, радуясь ласковой свежести воды. А он смотрел на нее, на ее молодые стройные ноги, на ее радостно улыбающееся лицо и тоже улыбался. Потом они тут же уселись завтракать. Она сама аккуратно разрешила хлеб и, приготовив бутерброд, подавала его Алексею... Она знала, что он смотрит на нее, и от этого ее движения были легки и гармоничны. Потом она потащила его за руку к станции.

- Я все узнала,- говорила она на ходу.- Через два часа будет пассажирский до самого Георгиевска.

- Два часа?... - Алексей посмотрел на часы.- Знаешь, что? Пойдем погуляем по городу. Я его хорошо знаю...

- Пойдем!..- согласилась Шурка.

- Или знаешь что? Пошли в кино!

- Ой, правда! - обрадовалась Шурка.- Я сколько уже в кино не бывала.

Они быстро идут в сторону города. Прямо от станции начинается большой парк. Они проходят по парку. В парке тихо, безлюдно. С высоких деревьев слетают пожелтевшие листья.

- Красиво, правда? - спрашивает Алексей.

- Да. Только немного грустно...- говорит Шурка.- Осень!..

- А мне не грустно...

- И мне...

- Давай посидим.

- Давай. Посидим и пойдем дальше.

Они усаживаются на одну из скамей. Тишина. Одни деревья окружают их, и только вдалеке, в самой глубине парка, видна медленно бредущая пара старых супругов, одетых во все черное.

- Шурка, как хорошо, что ты не уехала,- говорит Алексей.

- Да...- Она усмехнулась. Потом задумалась. Лицо ее стало грустным. Скоро ты будешь дома...- сказала она. - И мне уже немного осталось...

- Да... Ты уже почти на месте...

- А тебе от Купинска близко?

- Рядом... А мать ничего не знает.

- Вот обрадуется!

- Куда там!.. Жалко, я много времени потерял... Ну ничего! Почти сутки еще дома побуду. Починю крышу - и обратно...

- На фронт?

- Да.

- Знаешь что, Алеша?

- Что?

- Давай не пойдем в кино. Лучше посидим здесь, хорошо?

- Хорошо. В кино жарко. Правда?

Помолчали.

- А хорошо мы с тобой ехали, Шурка...

- Хорошо... Только знаешь что, Алеша?..

- Что?

Алексей еще ближе склонился к девушке. Она не отстранилась. Только пальцы ее быстро-быстро перебирали лямки лежащего на скамье вещмешка Алексея, завязывали и развязывали его...

- Алеша, а платок этот... кому? - вдруг спросила она.

- Какой платок?

- Что в мешке...

Алексей улыбнулся.

- Матери. Подарок.

- Правда? - обрадовалась девушка.- И мыло тоже?

- Какое мыло?

- Мыло... Два куска!

Алексей вздрогнул, поднялся.

- Черт! Совсем забыл! - хлопнул он себя по лбу.- Понимаешь, Шурка, это посылка. Парень один передал. Фронтовик.- Алексей волновался все больше и больше.- Хорошо, что мы не уехали. Ее нужно отнести!

- Куда?

- Шура, здесь совсем близко. Улица Чехова... Пойдем отнесем!

Шурка вздохнула.

- Тут рядом. За десять минут управимся!.. А потом мы опять сюда придем... Да, Шура?

- Да,- тихо ответила она.

Алексей и Шурка быстро идут по улице. Шурка спрашивает на ходу:

- А этот Павлов - твой товарищ?

- Нет. Я его и не знаю совсем. Случайно встретились. Он с командой на фронт шел.

Они сворачивают за угол.

На табличке, привешенной к стене, надпись "Улица Чехова".

- Как близко! - говорит Шурка.

Алексей смотрит на номер дома - 21...

- Седьмой - там. Пошли!

...Они бегут по улице Чехова. Минуют один дом... второй... третий... и радость сползает с их лиц. Дальше вместо домов лежат развалины.

Алексей и Шурка останавливаются и растерянно смотрят друг на друга.

По груде кирпича, щебня, обвалившихся стен и скрученного железа ходит сгорбленная сухонькая старушка и выбирает на растопку щепу.

- Бабушка! - окликает ее Алексей.

Старушка поднимает голову.

- Скажите, где седьмой номер?

- А вот он...- старушка просто показывает щепкой на развалины, на которых стоит.

Видя замешательство парня и девушки, она торопится к ним. Подходя, вглядывается в их лица подслеповатыми глазами.

- А вы к кому?

- Нам Павловых,- отвечает Алексей.

- Живы...- улыбается старуха.- И Лизавета, и старик жив!.. Лизавета Петровна на Семеновской живет - Семеновская, тридцать восемь, а старик, должно, на заводе...

- Семеновская, вроде, недалеко,- сказал Алексей, взглянув на часы.Успеем!.. Пойдем!..

- Пойдем! - согласилась Шурка.

- Квартира пять! - напутствует их старуха.

Табличка над парадным: "Семеновская, 38".

Алексей и Шурка быстро входят в дверь. Поднимаются по лестнице.

Неожиданно сверху слетают несколько нарядных мыльных пузырей. Шурка обрадовалась этой неожиданности, как ребенок. Они посмотрели вверх и увидели на лестничной площадке, у барьера, мальчишку лет восьми, с консервной банкой и соломинкой в руках.

- Мальчик! - спросила Шурка.- Павлова здесь живет?

- Павлова? - переспросил мальчик.

- Елизавета Петровна,- сказал Алексей.

- Елизавета Петровна! - Мальчик указал рукой на площадку выше.- Там они живут.

Алексей и Шурка поднялись к указанной двери, позвонили.

- Стучать надо,- сказал снизу мальчик.

Алексей постучал.

За дверью послышались шаги. Им открыла дверь женщина в халате. Ей было лет тридцать.

- Нам Елизавету Петровну...- сказал Алексей.

- Пожалуйста. Это я...- ответила она, вежливо улыбаясь.- А вы, вероятно...- Она вопросительно посмотрела на Алексея.

- Я с фронта. Вам посылку привез...

- А!..- в улыбке женщины видна растерянность.- Это, вероятно... от Павлова?

- Да.

- Заходите, пожалуйста... Одну минуточку...

Вслед за женщиной они входят в комнату.

- Извините... Я сейчас...- говорит женщина и, выходя в соседнюю комнату, как бы невзначай снимает со спинки стула и уносит с собой защитного цвета полукитель.

Алексей и Шурка осматривается. Комната обжита, в ней не стильная, но богатая мебель. На столе хлеб, сахар, колбаса. Видно, что живут здесь, по военному времени, богато.

Из соседней комнаты доносится тихий, взволнованный разговор.

- В чем дело?!..- возмущается мужской баритон.- По крайней мере, он будет знать правду!..

- Я умоляю тебя...- просит шепотом женщина.

Шурка и Алексей молча переглянулись.

...Улыбаясь привычной улыбкой, женщина выходит к ним.

- Вы извините меня, пожалуйста... это так неожиданно... Так вы с фронта?

- С фронта!..- отвечает Алексей громко.- Я от вашего мужа. Он просил передать вам вот это...- Он вынимает из вещевого мешка два куска мыла и кладет их на стол.

На лице женщины удивленная улыбка.

- Что это?

- Мыло.

- Ах, мыло... Спасибо, большое спасибо... Может быть, чайку хотите?

- Нет. Мы пойдем.

- Почему же?

- Времени нет,- говорит Алексей.

Она опускает глаза.

Алексей и Шурка выходят из комнаты. Женщина провожает их. В передней, открывая дверь, она тихо спрашивает Алексея:

- Скажите, как он там?..

- Павлов? Ничего. Здоров. Беспокоился о вас...

- Спасибо...- тихо говорит женщина и, пропустив Шурку, вдруг хватает Алексея за руку.- Не говорите ему о том, что видели...

Алексей в упор смотрит на нее.

- А впрочем,- опускает глаза женщина,- лучше правда... Не смотрите так на меня! Боже мой, как это тяжело...- Она смотрит на Алексея, ища в нем сочувствия.

Ничего не ответив ей, Алексей выходит. Женщина, помедлив, захлопывает за ним дверь. Шурка и Алексей спускаются по лестнице, проходят мимо мальчика, по-прежнему пускающего мыльные пузыри, останавливаются, следят за полетом большого нарядного пузыря. Алексей смотрит на часы...

- Пойдем, Алеша, а то опоздаем,- говорит Шурка.

Но он, стукнув вдруг кулаком о перила, бросается вверх.

Мальчик испуган.

Перешагивая через несколько ступенек, Алексей подбегает к двери и стучит кулаком. Ответа нет. Он стучит еще сильнее. Ему открывает дверь небольшого роста мужчина, в комнатных туфлях и подтяжках, и растерянная Павлова. Алексей тяжело дышит. Оттолкнув мужчину, он решительно заходит в комнату, берет со стола злополучную посылку и, бросив недобрый взгляд на женщину, выходит через раскрытые двери. В тишине громко стучат его сапоги.

...Схватив за руку Шурку, он говорит:

- Пойдем на завод.

- Что ты, Алеша! - пугается девушка.

- Пойдем!..- властно говорит Алексей, и они бегут вниз по лестнице.

Большой шумный цех завода, недавно пострадавшего от бомбежки, но не прекратившего свою работу. Пока одни рабочие заделывают обвалившуюся часть стены, а другие возятся с перекрытием крыши, в уцелевшей части цеха не прекращается работа.

И тут же, несмотря на шум, спят, выбрав укромное местечко, несколько рабочих.

Алексей и Шурка смешались от грохота, искр и шума. Они смущены вниманием, которое на них обращают рабочие цеха.

Между станков их ведет девушка-комсомолка в ватной телогрейке и беретике.

- Где Павлов? - спрашивает она встречных.- Павлова не видали?

- Нет.

Они идут в конец цеха.

- Бригадира нет? - спрашивает девушка.

- Он, наверно, отдыхает от смены,- отвечают ей.

...Они проходят в соседний цех. Здесь, в небольшой загородке, прямо на полу, несмотря на шум и грохот, вповалку спят рабочие...

- Так и есть - здесь он!..- говорит девушка, взглядевшись в спящих.Шестые сутки из цеха не выходим - сдаем срочный заказ фронту...- Она улыбнулась.- А потом опять срочный заказ!

Она подходит к одному из спящих, наклоняется к нему.

- Павлов!.. Товарищ Павлов... проснитесь!

Павлов с трудом просыпается, садится. Сонно смотрит на Алексея и Шурку. Он оказывается молодым парнем того же возраста, что и Алексей. И они даже чем-то похожи друг на друга - этот рабочий и солдат.

- К вам с фронта, товарищ Павлов! - говорит девушка.

- Ко мне? - удивился тот.- Слушаю вас.

- Нет, нам не этого! - говорит Шурка.- Нам бригадира.

- Ну я бригадир. В чем дело? - недовольно говорит Павлов.

- Нам нужно Павлова, у которого сын на фонте,- говорит Алексей.

- У нас три таких Павлова. А в чем дело?

- Я ему привез привет с фронта и посылочку. Хочу передать.

- А как сына-то зовут?

- Сергеем, кажется...

- Серега!..- обрадовался бригадир.- Небольшой такой, глазастый?

- Да, да!

- Это Василия Егоровича сын! Жив?

- Жив.

- А Василия Егоровича нет. Он болен.

- Жалко...- вздыхает Алексей.- А можно ему посылочку передать? Может, кто к нему ходит?..- Алексей оглядывает столпившихся вокруг женщин.

- Что вы? Это надо лично! - говорит одна из них.

- Ведь радость какая! - заговорили все.- Вы сами увидите!

- Я бы с удовольствием...

- Он на поезд опаздывает! - вступает Шурка.

Но рабочие, окружившие их, не унимаются.

- Разве можно?! - говорит полная женщина в промасленной телогрейке. Всего несколько минут, а человеку такая радость!

- А далеко?

- Да нет! В педагогическом институте. Там разбомбленных разместили... Поезжайте!.. Вам Митя покажет.- И женщина побежала к станку, у которого на ящике, по причине малого роста, стоял паренек. Она стащила его с ящика и подвела к Алексею.

- Вот он вам покажет, а я за него у станка постою. Разрешите, бригадир?

Бригадир согласился.

Шурка тревожно посмотрела на Алексея. Тот развел руками.

- Пойдем, Шура.

Паренек, который провожал их, оказался очень вежливым. При посадке в трамвай он пропустил вперед Шурку и Алексея... Потом его оттерли; и, когда трамвай тронулся, он остался стоять на остановке. Это немного озадачило его, но ему было не больше пятнадцати лет и это решило дело. Паренек побежал за трамваем и, догнав его, быстро вскочил на "колбасу".

Шурка и Алексей видели это с задней площадки. И пока они ехали, через стекло им улыбалась добродушная, перемазанная маслом рожица паренька.

Шурка и Алексей смотрели на полуразрушенный войной город...

- Смотри,- говорит Алексей.- Вон там был театр. Я в нем раз десять бывал. Как приедем со школой, так в театр. А там - видишь? - белое здание... За ним техникум металлургический. Я хотел пойти в него, потом передумал... Пойду в строительный... А может быть, в другой какой. Я еще не решил.

Из-за стекла, паренек прокричал им что-то... Заулыбался и показал знаками, что пора сходить.

Шурка и Алексей протиснулись и выходу.

В сопровождении парнишки-рабочего они поднимаются по лестнице института. На лестничной площадке их остановила пожилая женщина в синем халате.

- Тише!.. Вы куда? - спросила она шепотом.

- Мы к размещенным... Вот, товарищ с фронта!

- Туда через котельную надо идти... занимаются здесь...- сказала женщина.

И действительно - из коридора сюда доносился мерный голос лектора.

- А то подождите, через три минуты будет звонок.

Мальчик вопросительно посмотрел на Алексея.

- Подождем,- согласился Алексей.

Мальчишка кивнул.

На цыпочках они пошли по коридору.

Там, где коридор поворачивал под прямым углом, виднелся кусок доски. Они подошли ближе и увидели лектора - небольшого седенького старичка, в темном костюме и валенках (несмотря на осеннее время). Слушатели сидели прямо на полу, но от этого лекция не переставала быть лекцией.

- Это физики-механики,- шепчет паренек.- Ихний институт разбомбили, так они тоже здесь занимаются.

Алексей приложил палец к губам. Начертив очередную формулу, лектор говорит:

- Такова формула, найденная Циолковским. Эта формула открывает людям дорогу в космос. "Земля есть только колыбель разума! - говорил Циолковский.- Но нельзя же вечно оставаться в колыбели".

Раздался звонок.

Студенты, поднявшись, толпой окружили преподавателя. Алексей и Шурка тихо прошли мимо вслед за пареньком к массивным дверям и отворили их.

Это был физкультурный зал института. Со всеми его атрибутами: шведской, стенкой, кольцами, свисающими с потолка, козлами, турником и т.д. Как на вокзале, на полу и на койках; поставленных вдоль стены, сидели и лежали люди. Кто занимался, разложив на кровати книги и тетради. Кто варил на примусе, поставленном на табуретку, обед. Слышался тихий плач грудного ребенка.

Но, несмотря на то, что все были заняты своим делом, появление в общежитии Алексея не осталось незамеченным. Алексей остановился в дверях и через несколько мгновений почти весь зал смотрел на него с надеждой и испугом. Это был солдат, человек с фронта.

Он мог быть чьим-то сыном, мог быть вестником радости или горя.

- Вы к кому? - спросила немолодая полная женщина, которая стояла ближе других.

- Мы к Павлову, к Василию Егоровичу.

- Это ко мне... Это от Сережи! - послышался из глубины старческий голос.

Алексей и Шурка увидели старика, который пытался подняться с кровати. Какая-то девочка бросилась к нему.

- Что вы, дедушка! Вам нельзя.

- Это от Сережи!... Что с ним? - не слушая ее, повторял старик.

Алексей поспешил к его кровати.

- Не волнуйтесь! Все хорошо. Я от Сергея Васильевича. Вот... Он прислал вам посылку...

Когда Алексей извлек из своего мешка посылку, все стоящие вокруг ахнули от восхищения.

- Мыло! - радостно вскрикнула девочка.- Смотрите! Два куска!...

Но старик, казалось, не понимал, что происходит.

- Он жив? - спрашивал он, глядя на Алексея.

- Конечно, жив! - закричала ему девочка и в доказательство вложила ему в руку посылку.

- Жив...- повторил старик, ощутив в руках мыло, и губы его задрожали. Прошло несколько мгновений, пока старик справился с этой дрожью.- Значит, жив,- повторил он с облегчением.- Спасибо! ... А это от него, значит, посылка...

- Дедушка, вы ложитесь. Вам же нельзя!..- сказала девушка.

- Он не ранен? - спросил старик.

- Нет, совершенно здоров.

- Садитесь, пожалуйста... Расскажите. Как он там...

Алексей растерянно посмотрел на Щурку. Он не знал, что говорить. Он только мельком видел этого человека. Щурка не могла ничего подсказать ему.

- Ну... воюет он, в общем, хорошо...- начал Алексей.- Даже можно сказать - отлично. Товарищи его уважают... За смелость. Он смелый человек. Командир так прямо и говорит: "Берите пример с Павлова - и боец стойкий, и товарища не выдаст..." У нас в полку его все любят...

- Да-да... его и мальчишкой все любили,- подтвердил старик. Он посмотрел вокруг, делясь с присутствующими своим счастьем.- Анна Андреевна... Слышишь!... Сын-то!..- Он растроганно покачал головой.

Соседка закивала ему сквозь слезы...

- Садитесь. Выпейте чайку,- пригласила девочка, прибежав откуда-то с чайником.- Вы ведь с дороги.

- Нет, спасибо, мы пойдем!

- Он на поезд опаздывает! - снова встала Щурка.- Вы извините, пожалуйста. Ему очень-очень нужно ехать!

- Понимаю... Дело военное...- устало сказал старик. Он опять приподнялся.- Передайте Сереже, что я доволен им. Что живем мы хорошо...Он повел рукою вокруг.- Об этом не говорите... Это все временно. Пусть он будет спокоен... Скажите еще... Лиза, жена его, работает, шлет привет... Ждет...

Алексей видел, как трудно было старику произнести последние слова и как закусила губу девочка.

- Скажу,- пообещал Алексей.

Они снова идут до аллеи парка. Останавливаются у знакомой скамьи. Но все теперь здесь для них по-другому.

- Алеша,- говорит девушка и вдруг, положив голову ему на грудь, начинает горько плакать.

Алексей молча гладит ее голову.

Станция. снова шум и суетня посадки. Алексей протискивается в вагон и тянет за собой Шурку. Ей преграждает путь проводница.

- А вы куда? Вагон военный.

- Она со мной! - кричит со ступенек Алексей и тащит Шурку к себе.

- Жена, что ли?

- Да! - отвечает Алексей.

- Нет! - говорит одновременно с ним Шурка.

Проводница бесцеремонно отталкивает ее от вагона.

- Она со мной!

- Договорись сперва, а потом тащи.

- Не задерживай! - зашумел кто-то сзади.

Какой-то тучный военный оттеснил Алексея в вагон. Кто-то полез вслед за ним, волоча за собою объемистые чемоданы. Какая-то женщина пыталась втиснуться в вагон. Проводница не пускала и ее.

Шурка умоляющим взглядом смотрела на проводницу. Но, занятая своим нелегким делом, проводница не замечала этого взгляда.

Алексей рванулся к выходу. Спрыгнул с подножки.

- Что ж ты, трудно тебе было сказать! - упрекает он девушку.

Шурка виновато улыбнулась.

- И правда, глупо... Я совсем растерялась... Алеша!..- вдруг горячо заговорила она.-
Поезжай один! И так ты еще полдня потерял!.. А я доберусь - здесь близко. Поезжай,
Алеша, милый!... Поезжай!

- Постой, Шура,- прервал ее Алексей, соображая, что-то. Вдруг он улыбнулся.- Ты знаешь,
что такое маскировка номер три? - весело спросил он.

- Номер три?..- удивилась Шура.- Не знаю.

- Сейчас узнаешь!

Алексей решительно снимает с себя скатку и, развернув ее, отдает Шурке шинель.

- Надевай!

- Зачем?

- Надевай быстро! Теперь пилотку. Пошли!...

Девушка, одетая в шинель Алексея, выглядела очень беспомощно. Путаясь в полах, она
побежала за ним к другому вагону, с большим открытым тамбуром. Пробиваясь к дверям,
они потеряли друг друга. На ступеньках вагона она обернулась, ища глазами Алексея.

- Не задерживайте! - сказала ей проводница.

- Что? - девушка испуганно посмотрела на нее.

- Не задерживайте, проходите в вагон...

Подоспевший Алексей вклинился между Шуркой и проводницей. Сунул в руки
проводнице свой билет. Полез в вагон. Он уже был в тамбуре, а девушка все еще
топталась на ступеньках.

- Ну, чего же ты? - с досадой позвал он, протягивая к ней руку.

- На шинель наступили! Не могу вытащить,- сказала она жалобно.

Протолкавшись к девушке, Алексей помог ей освободить шинель, и они вместе вошли в
тамбур.

- Вот здорово! - радостно говорит Шурка.- А похожа я на военную? Да?

- Похожа,- улыбнулся Алексей.- Никто даже не заметил.

- И билет никто не спросил.

Вокруг шумели, толкались пассажиры.

Шурка сняла с себя пилотку и надела на голову Алексея. Шинель в этой тесноте снять
было невозможно.

- Ну вот, скоро ты будешь на месте,- улыбнулся Алексей.

- На месте...- грустно повторила она и вздохнула.

Он заметил эту грусть и стал тоже серьезным.

- Ничего! - сказал он бодрым голосом и постарался улыбнуться.- Все, я думаю, будет хорошо. Ты не волнуйся за него... Поправится.

Она грустно улыбнулась, покачала головой.

- Знаешь Алеша, я никогда не встречала такого парня, как ты...

...И вот они снова в пути. Открытый тамбур вагона, каких теперь уже не делают и какие были редки даже в войну, набит до отказа пассажирами. Шум колес. Ветер. Давка. Их прижали друг к другу. Они пробуют говорить, но шум забивает голоса.

Они взволнованы близостью. То рука коснется руки, то Шурка спрячет от ветра свою голову на его плече. Они вместе. И от этого исчезает и шум, и толкотня, и ругань пассажиров.

Ветер пронесет мимо них клубы паровозного пара, и кажется, что это облака проносятся мимо них. Исчезает и перестает существовать все, кроме них одних. Существуют глаза, которые смотрят в глаза... Существуют ее губы... ее шея... ее развевающиеся от ветра волосы.

Их взгляды говорят... Что говорят! Они поют... Поют древнюю и вечно новую песню, прозванную людьми Песней Песен.

Но вот в мелодию этой песни врывается далекий паровозный гудок, потом скрип тормозов, и песня заглушается шумами прозаической жизни.

Они уже на земле. У Алексея на руке его шинель. Они стоят на перроне около своего вагона. Прощаются.

- Вот и все, Алеша,- говорит она.

- Да... Не забывайте меня, Шура...

- Не забуду.

И они смотрят прощальным взглядом друг на друга.

- Алеша!...

- Что?

- Знаете что?... Только вы не сердитесь... Я ведь вас обманула.

- Как обманула?

- Никакого у меня жениха нет. И вообще никого-никого... Я к тетке еду...- Она подняла на него глаза.- Не сердитесь, Алеша... Я глупая, правда?

Он смотрит на нее, он не совсем понимает, о чем она говорит.

- Но... Зачем ты ?...- спрашивает он.

- Я боялась тебя...- говорит она, опустив голову.

- А теперь?

Она смотрит ему в лицо и отрицательно трясет головой.

Паровозный свисток и лязганье вагонов прерывают их молчание. Они оба вздрогнули, очнулись... Шурка побежала за тронувшимся вагоном.

- Скорей! Скорей, Алеша!.. Уйдет!

Она, суетясь, на ходу подталкивала его в спину, помогая втиснуться в переполненный тамбур.

Кто-то смеялся, кто-то кричал провожающим последние ненужные слова, кто-то размахивая руками.

Пожилые муж и жена наблюдали, как Шурка прощалась с Алексеем.

Алексей повернулся и закричал:

- Шура! Шура!! Пиши... Сосновка!..

Шурка тоже что-то кричала и показывала жестами, что не расслышала его слов.

- Сосновка!.. Полевая почта...- Дальше за грохотом поезда не разобрать.

...Шурка грустно смотрела вслед уходящему поезду. Она не видела Алексея и все-таки махала ему вслед рукой...

Вот уже не видно станции.

Мчится поезд. Стоя между переругивающимися супругами, смотрит назад Алексей.

- Я ждала...- говорит мужу жена.

- Ждала!.. Дело надо делать, а не ждать.

- Я так волновалась...

- Подумаешь, гимназистка,- волновалась!

Грохот встречного поезда заглушает этот спор. Алексей смотрит, как быстро удаляется от их состава встречный. Он уходит к станции.

Дробно перестукивают колеса...

А вверху - птица. Она делает круг в небе и быстро летит прочь. Она летит к станции...

Стучат колеса, грохочет поезд.

А перед глазами Алексея Шурка...

Вот она моет под колонкой свои стройные ноги...

Вот она угощает его бутербродами...

Вот она смотрит на него, прощаясь на станции. И теперь она говорит ему: "Алеша, ведь когда я сказала тебе, что у меня никого нет,- это я тебе призналась в любви... А почему ты мне ничего не ответил, Алеша?"

...Алексей разворачивается и, расталкивая пассажиров, пробирается к выходу. Вот он уже на подножке.

Кто-то схватил его за гимнастерку. Он с силой рванулся, бросил вещи и сам кинулся вниз.

Крик женщин.

Удар о землю. Алексей покатился во откосу.

Смотрят с поезда пассажиры .

Он быстро поднимается на ноги, хватая вещи и бежит в сторону станции.

Смотрит пожилая женщина. Она грустно улыбается.

- Любит...- вздохнув, говорит она.

Смотрит прозаический ее супруг и коротко резюмирует:

- Дурак.

...А Алексей бежит по дороге... едет на какой-то машине, прыгает с нее на ходу... Снова бежит по путям, через рельсы...

...Он на станции. Мечется среди толпы, ходит по залам, смотрит у кассы, но Шурки нигде нет.

- Бабуся! Не видели девушку в синей кофточке?

- Нет, сынок...

У регулировочного пункта на шоссейной дороге люди с мешками, чемоданами, детьми усаживаются в кузов большого грузовика, и он спешит туда.

Суетятся люди, и среди них Алексей. Он ищет свою Шурку, но ее нет.

- Товарищ регулировщик, вы не видели тут девушку в синей кофточке?

- А шут ее знает. Стар я за девочками смотреть.

...Вечереет. Так и не найдя Шурки, Алеша возвращается на станцию. Только сейчас он оценил свою потерю. Он медленно идет через суетящуюся толпу...

И вот Алексей в поезде, один, без Шурки. Сидит, задумавшись, прислушивается к мерному, спорному стуку колес. За окном грустные вечерние сумерки. В тесном купе притихли пассажиры. Может быть, сумерки действуют так на людей, может быть, перестук колес. Даже дети притихли. Только редкий вздох нарушает молчание.

Напротив Алексея сидит черноокая дивчина в цветастом платке. Рядом с ним, опершись на суковатую палку, склонив красивую седую голову, сидит старик. В его лице с небольшими умными глазами, в плотно сжатых губах, во всем его облике - мудрое мужское раздумье.

Черноглазая девушка смотрит на Алексея и вдруг спрашивает на певучем украинском языке.

- А вы, товарищ, далеко йидэтэ?

- В Сосновку,- отвечает Алексей.- Тут совсем близко... Скоро будет мост, а там километров десять.

- А мы з Украины...- говорит девушка.

Алексей смотрит на нее, на старика, на пригорюнившуюся старую женщину. Ему понятна их грусть, и он сочувственно кивает девушке, как бы говоря: "Да, понимаю... Далеко вас занесла война".

- Охо-хо! - вздохнула старая женщина.- Летим як птицы в осени, сами не знаем куда.

Старик сделал нетерпеливое движение.

- Пустые слова,- сказал он, не меняя позы.- На Урал йидэмо. Там наш завод... Сыны наши,- добавил он твердо.

Женщина замолчала.

Перестукивали колеса. Тихо поскрипывали переборки. Среди этих привычных звуков послышался какой-то тревожный отдаленный гул.

- Что это?..- спросила девушка.

Гул повторился.

Все почему-то посмотрели вверх и в окно.

Побледнела женщина, держащая на руках спящего младенца. Все прислушались. Было тихо. Постепенно все успокоились.

Алексей вынул кисет с табаком. Закуривая, предложил старику.

- Угощайтесь...

- Спасибо,- с вежливым достоинством поблагодарил тот. И, взяв из кисета махорки, признался с доброй улыбкой, по-украински выговаривая русские слова: - Откровенно признаться, соскучился по табачку...

Закурили.

- А сами ж вы с каких мест? - спросил старик.

- Здешний я... В Сосновке родился... Выдался случай мать повидать.

- Домой, значит?

- Да.

- Надолго?

Алексей грустно улыбнулся.

- Было время, а теперь... на рассвете поеду обратно.

- Ох, лихо, лихо! - сочувственно вздохнула женщина.

Старик покосился на нее. Сказал Алексею:

- Целую ночь в родном доме... То великое счастье!

- А потом на фронт? - спросила дивчина.

- Да.

- И девушка ж у вас есть?

Алексей помолчал.

- Есть... Только она не в Сосновке... Потерял я ее,- признался он и тотчас же горячо добавил: - Но я ее все равно разыщу. Всю землю переверну, а ее разыщу!...

Старик улыбнулся.

- Правильно, хлопче, любовь того стоит... У тебя есть специальность?

- Еще нет... приду домой - буду учиться. А пока одна специальность солдат.

- Солдат не специальность, сынку, солдат - это должность на земле,сказал старик и задумался.

Быстро шел поезд. Стучали колеса. За окном в сумерках проплывала земля, мелькали телеграфные столбы. Алексей волновался.

- Скоро мой дом,- сказал он, вздохнув.

- А наши хаты все дальше и дальше...- как эхо, ответил ему голос женщины...

Раздался протяжный гудок - один, другой... Вагон вздрогнул. Заскрежетали тормоза. Алексей бросился к окну, но там ничего не было видно.

...На пути, освещенный неровным пламенем костра, стоит человек. В его поднятой руке горит, наподобие факела, вырванная из костра головня.

Поезд тормозит и останавливается. Со ступенек вагона соскакивают и бегут вперед люди. Человек опускает руку с факелом и, пошатнувшись, садится на землю.

Зажегся и тотчас же потух мощный паровозный прожектор, вырвав на мгновение из темноты изогнутые, порванные фермы разрушенного моста.

Несколько человек нагнулись над сидящим. Он что-то сказал им, и они бросились тушить костер, тревожно поглядывая в темное небо. Человека подняли и понесли в вагон. Он был ранен и тихо стонал.

Алексей с тоской посмотрел вдаль за мерцающую в темноте реку. Там, где-то совсем близко, лежало его село. Он оглянулся. У паровоза суетились люди. Алексей подумал и, решившись, побежал к реке.

...Обломки нескольких бревен служат ему плотом. Доска веслом. Он уверенно гребет им, отдаляясь от берега. Плещется под плотом вода.

Вот и середина реки. Уверенно гребет Алексей.

Со стороны эшелона до него доносятся тревожные крики. Он перестает грести, прислушивается и вдруг с тревогой смотрит вверх. Оттуда слышится неровный зловецкий гул.

Алексей взмахивает веслом и еще быстрее начинает грести к берегу. Станный, выворачивающий душу вой разрывает тишину, и затем взрывы - один, другой, третий!..

Алексей обернулся. В вспышках взрыва метались фигурки людей.

Эшелон полыхнул пламенем. Огненные блики змеями заходили по реке...

- Гады! - задыхаясь, закричал Алексей в темное небо.- Гады! Гады!!

Схватив доску, он стал лихорадочно грести назад, туда, где заглушая вопли людей, рвались бомбы... Он был солдат, а там погибали люди.

...Он причалил к берегу. Бросился в гущу разрывов и стонов...

...Он метался среди пожара.

Вместе с другими отталкивал от состава горящие вагоны.

Вытаскивал из-под обломков раненых.

Он перевязывал.

Успокаивал.

Удерживал.

Он выносил из огня людей...

Так, среди взрывов и стонов, смерти и человеческого горя, прошла эта ночь...

Вот и заря. Светлеет небо и тишина охватила землю. Еле заметный ветерок чуть шевелит листья на деревьях. Тихо и торжественно несет свои воды река. И только фермы моста, вырванные из живого тела земли, разрушенный эшелон и догорающие вагоны напоминают о трагедии ночи.

Сидят и стоят над убитыми живые. Не голосят, не причитают. Нет больше ни сил, ни слез.

Спят и вздрагивают во сне уснувшие под утро дети.

А на руках молодой матери шевелится уцелевший комочек жизни. Он не спит, он деловито и жадно сосет обнаженную грудь.

Жизнь продолжается. Светлеет небо.

Утомленный сидит на бревне Алексей. Лицо его перемазано. Рука в крови. Рассвет - кончился его отпуск. Он устало достает из кармана кисет, шарит в нем. Кисет пуст. Кончился табак. Он выбрасывает оставшиеся крошки и кладет кисет в карман.

С прибывшего от станции эшелона спешат к месту происшествия люди.

И вот уже перевязывают раненых. Уносят их к эшелону на носилках. Алексей все еще сидит на своем месте. Ему вместе с этим эшелоном в обратный путь.

- А ну, посторонись, солдат, не мешай...- говорит ему какой-то санитар.

Алексей встает, уступает дорогу носилкам, отходит в сторону.

Но и здесь он мешает озабоченным, делающим свое дело людям.

- Ну, чего стал? Посторонись!

Алексей послушно отходит в сторону. Мимо него снуют люди.

Недалеко от него большая группа пассажиров осаждают человека в шинели без погон. Все говорят наперебой.

- Товарищ полковник...

- А меня почему?...

- Товарищ начальник, как же мы? Мы не можем здесь оставаться!..

- Товарищи! Я уже говорил... Сейчас повезем только раненых и пострадавших женщин и детей... Все остальные останутся здесь и будут ждать возвращения эшелона. Он возвратится ровно через два часа.

Мимо Алексея несли в вагон раненых. Гурьбой, почему-то очень торопясь, бежали к вагонам измученные страшной ночью люди, волоча за руки сонных, перепуганных детей.

Девочка лет десяти, которая тащила за своей матерью небольшую корзинку со скарбом, споткнулась и упала, мать с младенцем на руках пробежала мимо. Девчонка вскочила на ноги. И хотя мать ее была близко, испуганно закричала:

- Мама!

Алексей быстро повернулся на крик, посмотрел на девочку и как бы очнулся от сна!

- Мама! - слабо вскрикнул он и бегом бросился к реке.

...Вот он нетерпеливо прыгает с плота в воду и выбирается на крутой берег.

...Задыхаясь, подбегает к шоссе. Поднимает вверх обе руки.

Мимо него о шумом проносятся машины. Алексей выбегает на середину шоссе. Очередная машина с визгом останавливается перед его грудью.

- Ты что, очумел?! - высунувшись, кричит солдат-шофер.- Жизнь надоела?

Алексей прыгает к нему на подножку.

- Друг!.. Подбрось до Сосновки - тут всего десяток километров в сторону.

- Не могу! - кричит шофер.

- Ты пойми!.. Я с фронта!.. Мне сейчас же обратно!.. Только обниму мать и все!..

- А мне за тебя на губу?.. Слазь!

- Черт с тобой, шкура!..- крикнул зло Алексей, соскочил с подножки и побежал по целине, срезая угол, к отходящей от шоссе проселочной дороге.

Шофер посмотрел вслед ему и поехал своей дорогой...

Бежит Алексей.

Вдруг машина остановилась, постояла и, круто развернувшись, поехала вслед за ним по целине. Раскачиваясь и подпрыгивая на кочках, она догнала Алексея и некоторое время ехала с ним рядом. Шофер переругивался на ходу с Алексеем. Потом Алексей забрался в кузов и машина понеслась вперед по проселочной дороге, веером подымая в лужах воду.

...За холмом показались крыши деревни.

Вот и Сосновка.

На краю села у амбара работают женщины. Увидав машину, они прекращают работу, всматриваются.

- Никак наш, сосновский...

- Эй, Груня, не твой ли?

Машина пролетает мимо.

- Не мой...- отвечает грустно женщина.

- Бабы, да это ж Катеринин Алешка!

- И правда - он!

- А Катерина-то в поле!..

Засуетились женщины, и какая-то молодайка, кинув лопату, побежала к дороге, уходящей в поля.

А машина въезжает в село. Тормозит у дома. Алексей подбегает к дверям. Но они заперты на замок... Алексей бросился к соседнему двору. Стучит в дверь и, не дождавшись ответа, входит. В полутемных сенях он сталкивается с молоденькой девушкой. Она молча пятится назад в светлую горницу. Он идет за ней.

- Приехали, Алексей Николаевич...- говорит она тихо.

- Зойка? Да тебя и не узнать.

Она потупилась в смущении.

- Мать моя где, не знаешь?

- Она в поле... картошку убирает. Вы садитесь пока... Отдохните с дороги, чайку попейте. Тетя Катя придет,- говорит девушка обрадованно и смущенно.

- Что ты!.. Я ведь сейчас уезжаю!

- Как сейчас?!

- Сейчас... Сию минуту!

Девушка удивленно смотрит на Алексея.

- А как же тетя Катя?

Через поле, к селу бежит тетя Катя. Она бежит через кустарники... по пахоте... перепрыгивает через канавы, не замечая усталости, не чувствуя возраста.

Лицо ее взволнованно и прекрасно... Она бежит к сыну.

...А сын в это время сбегает со ступенек соседнего крыльца, подходит к машине.

- Нету ее... Поедем в поле.

- Не могу,- тихо отвечает шофер.

- Мы назад не будем возвращаться...
- Она здесь, недалеко!..- уговаривает шофера девушка.
- Не миновать мне губы! - махнул рукой шофер.- Ладно!

Девушка не сводит глаз с Алексея. Машина трогается.

...И в это время с другого конца в деревню вбегают мать. Грустно смотрит девушка вслед уходящей машине и вдруг замечает бегущую женщину.

- Стойте! - кричит она и бросается вслед за машиной.

Алексей замечает ее. Она показывает рукой в сторону матери, он хватается шофера за руку. Машина тормозит. Он на ходу прыгает с нее и бежит по длинной прямой деревенской улице навстречу матери.

Бегут навстречу мать и сын. Посреди деревни они встречаются.

Объятия. Они стоят так, задыхаясь от бега и счастья волнения, не в силах вымолвить слова.

И сразу, невесть откуда, появляются односельчане. Они кольцом сходятся вокруг. Кое-кто из женщин вытирает слезы. Другие приветствуют Алексея, засыпают его вопросами.

- С приездом!
- А Ивана на фронте не видел?
- Здравствуйте, Алеша!
- Насчет конца войны там не слышно?

Мать суетится около сына. Стремится оградить его от вопросов.

- Приехал... Сыночек мой!.. Порадовал мать,- говорит она, вытирая слезы.- А я-то ждала... Все думала... гадала...

- Как вы живете, мама?

- Как живу?.. Как все живут... Войну переживаю. Работа тяжелая, а мужиков нет.. Все бабы, все бабы... Погляди-ка - вон они все. Ну, что вы пристали к человеку?.. С дороги он!.. Пойдем в избу, Алеша... Поешь, отдохнешь с дороги... Пойдем!..- Она, суетясь, взбегает вперед, чтобы вести его в дом.

- Вы погодите, мама. Не надо. Я тороплюсь...
- Куда торопишься?
- Дальше ехать... я ведь проездом... Только на минуту...
- Как же, сыночек... Не пойму я...

- Я должен ехать. Сейчас... Давайте лучше поговорим...

Все сразу притихли.

Мать, поняв наконец страшный для нее смысл этих слов, подходит к сыну и останавливается около него.

Долгая пауза.

Она смотрит ему в лицо и молчит.

Он тоже молчит...

Вокруг застыли односельчане.

От машины доносится протяжный сигнал. Алексей вздыхает. Достает из мешка свой подарок, отдает матери.

- Крышу хотел починить...

Мать кивает, в глазах ее появляются слезы.

- Вырос-то как... Похудел...- Она ласково проводит по его голове.

- Это с дороги... А вы, мама, не болеете?

- Нет,- улыбается она.- Некогда нынче болеть.

Снова сигнал машины.

- Мне пора, мама...

Алексей обнимает мать. Она вцепилась в него, как будто хочет удержать. Плачет.

- Алеша... сынок... Алешенька...

- Простите, мама...- говорит он вдруг.

- За что же, Алеша?..

- Простите, мама...- повторяет он и прячет на ее груди голову.

- Что ты?! Алеша, сынок!.. Ты не думай... Я все выдюжу, все перенесу, а тебя дождусь!.. Отца не дождалась, а тебя дождусь...

Сигнал повторяется настойчиво и тревожно. Алексей осторожно разнимает руки матери и идет сквозь толпу.

- Ивана... Ивана на фронте не встречал? - снова спрашивает голос.

Гудит автомашина.

Алексей еще раз целует мать и, рассеянно пожав несколько протянутых рук, бегом бросается к машине.

...Машина трогается.

- Я вернусь, мама! - кричит Алексей.

Односельчане машут ему вслед. Полными слез глазами, не в силах поднять ослабевшие руки, смотрит мать. А машина уходит все дальше и дальше...

- Вот и все, что мы хотели рассказать о нашем друге Алеше Скворцове, говорит диктор, пока машина не скрывается за далеким бугром.- Он мог бы стать хорошим отцом и замечательным гражданином. Он мог бы стать рабочим, инженером, ученым... Он мог бы выращивать хлеб и украшать землю садами... Но он успел стать только солдатом. Им он и останется в нашей памяти.